

«Они меня не знают»

Родунер Анастасия

Анастасия Родунер

Они меня не знают

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69548743

SelfPub; 2023

Аннотация

Френсис – молодая француженка, чья жизнь закручивается из-за войны, которая заставит её семью бежать бросив всё что у них было и даже любовь. Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

Анастасия Родунер

Они меня не знают

Френсис сидела в яблоневого соду в ожидании. Она томилась в нем с самого утра смакуя трепет и легкий спазм в низу живота от предстоящей поездки, все готовились отпраздновать ее торжество, и она это чувствовала. Мать, которая так привыкла держаться весьма сдержанно и жеманно теперь не поспевала ко времени, которое сообщила мужу как время их прибытия в славную деревушку на окраине города. Во круг суетились слуги, в их маленькую машину пытались поместить половину дома загружая вещи более ценные в багажник, а другие закрепляя в корзину с верху машины. По правде сказать, в семье Дюжаль не было не ценных вещей, но чем-то пришлось пожертвовать. Как сказала служанка со слишком вычурным именем для своего статуса «Мисс, я постаралась упаковать вещи так, чтобы они не пропитались выхлопными газами от автомобиля, но я не могу вам этого обещать». Ее слова и манера общаться прозвучали смешно для Френсис которая, поправив свою юбку прислушивалась к тому как мама ругается на слишком неуместный автомобиль для такой поездки.

«Доес, прекрати суетиться, ты выглядишь глупо» – громко так чтобы это услышала ее дочь сказала бабушка. Она была права, на фоне этой спокойной фигуры в силуэте которой

невозможно было понять ее почтенный возраст спешащая мать выглядела глупо и чересчур озабоченно.

Вел машину единственный водитель, которого они не отпустили в отпуск зная какое важное мероприятие им предстоит. Отсутствие у него собственных детей и большая любовь к единственной дочери Доес позволяли семье Дюжель можно сказать слегка перегибать палку в его графике. Так или иначе он действительно любил уже весьма повзрослевшую юную леди как свою собственную дочь и именно из-за этого все утро настаивал на том, чтобы в честь своего праздника ей разрешили сидеть на переднем сиденье. В итоге на удивление и водителю и всей группе слуг разрешение дала Бабушка. Она не произнесла четкого ответа, а просто слегка махнула рукой в сторону машины, когда Жак в очередной раз спросил, где может расположиться ее внучка.

Анджела де Дюжаль знала, что родная дочь настолько тревожная и беспокойная натура, что не даст поехать в тишине. Так что она намеривалась хотя бы раз в пол часа смотреть на Доес своим фирменным усталым взглядом. Но та видимо уже знала тактику своей матери и специально садилась на переднее сиденье, что дамам делать не следует, и говорила без устали. Именно поэтому в честь предстоящего праздника Френсис любовалась видом дороги с переднего сиденья пока ее мать пыталась разбавить дорогу весьма неуместны-

ми темами разговора, особенно когда в машине за рулем находился не ее супруг, а водитель.

Дорога в 4 с четвертью часа показалась вполне легкой и интересной только для Жака и Френсис. Весь путь они обсуждали проезжающие мимо автомобили и людей в них гадая куда они едут, кем он могут работать. А на заправке пару раз попытались обсудить ссору молодой пары, которая развернулась у них прямо на глазах в тот момент, когда все решили размять ноги постояв у машины. Диалог о том, кто прав в ссоре юных людей прервала бабушка, ведь в разговор вступила Доес. Она не могла простить своей дочери такую болтливость. Жак, по ее мнению, был обычным хорошим работником и разговоры для него пустяковое дело, он мог чешать языком о чем угодно пока это ее не раздражало, внучка, которая через пару дней становилась 16летней леди могла себе такое позволить так как что с нее было взять если воспитана та была не ей. Анджела де Дюжаль лишь единожды написала письмо дочери чтобы та приезжала с внучкой чаще чем раз в год потому, что уже невооруженным глазом только потому как та сидит было видно ее небрежное воспитание. «Что с нее взять, кровь не наша вот и результат» – всю дорогу думала про внучку женщина пока машина наконец не прибыла по месту назначения в маленькую, но весьма симпатичную деревню.

По сравнению с поместьем Дюжаль этот домик выглядел весьма скудно, и скорее по мнению слуг походил на обычный, чуть увеличенный в размерах загородный домик, чем на поместье, в котором они ежедневно наводили звенящую чистоту.

Джон лежал на большом диване в ожидании любимой дочери и не менее прелестной супруги, которых он не видел около двух недель. От него пахло хорошим вином сделанным соседом, а также угадывался вполне стандартный для него легкий запах скошенного сена и пота. Он явно устал, помогая матери по хозяйству и теперь все ближайшие дни сделав работу наперед намеревался только с блаженной улыбкой дегустировать бутылку за бутылкой, а по вечерам закрываться с женой в уютной спальне. Единственный кто мог ему помешать это свекровь, которая желала наконец поговорить с Джоном о том, чтобы забрать внучку к себе в поместье на год, что он как добрый отец и весьма своенравный зять не мог допустить и даже этого разговора намеривался избегать.

Его мать Жаклин была доброй и набожной женщиной поэтому несмотря на их личный конкурс «Кто же лучшая бабушка для Френсис» она встретила Анджелу де Дюжаль удивительно вежливо предложив ей лучшую спальню в доме. Свою невестку к которой она начала испытывать даже нечто похожее на материнскую любовь она встретила долгими расспросами о том, как они добрались и не произошло ли что-то

интересное по дороге. Былая роскошь этого дома успокаивала сердца каждого из присутствующих и только слуги нервно бегали от машины до комнаты госпожи Анджелы чтобы перенести неумеренный багаж в целости и сохранности.

«Дорогая Жаклин, неужели твои слуги всегда ходят так по дому. Я слышана о легких нравах, но юбки, едва закрывающие колено – это невразумительно, ты разве не согласна?» – Сказала та и мягко села у окна наблюдая за работой молодых девушек.

«Не нахожу в этом ничего зазорного. Даже напротив если им так удобно, то пожалуйста. Главное, чтобы работали достойно и не воровали» – Укол со стороны пожилой Жаклин считался моментально. Ведь она уже была слышана о том, как много прошлая гувернантка украла из шикарного поместья Дюжаль.

«Предлагаю перейти в обеденную и обсудить предстоящий праздник там.» – Громко с попыткой повернуть на себя внимание произнес Джон все еще обнимая жену, которая была явно воодушевлена и жаждала наконец сесть за стол.

Анджела дэ Дюжаль весь ужин была в шоке от находившейся под столом собаки, которая гордо сидела у ног хозяйки дома постоянно прося добавки зная, что ей не откажут. Женщина такого статуса не могла и представить себе, что проведет ближайшую неделю почти как деревенская особа и была слегка озадачена тем, какие дорогие платья она взя-

ла с собой для повседневной носки. Жаклин же напротив с большим энтузиазмом вместе с Доес обсуждала как накрыть стол, кого можно позвать на праздничный ужин и кого звать точно не стоит, ведь половина сплетен уже были рассказаны друг другу в письмах.

Джон с Френсис не на шутку начал спорить прямо за столом о том, как расположить гостей и с кем ей как имениннице следует сидеть.

«Отец, ты не понимаешь. Я очень давно не видела его, я так скучала. Сирил ведь мой единственный друг в этом месте. Он и только он должен сидеть рядом!» – Френсис начала злиться, ибо отец на отрез отказывался принимать ее точку зрения, хотя обычно он был крайне мил и мягкосердечен.

«Это ты Френсис не понимаешь. Нет ничего важнее чем семья и ты просто обязана порадовать нас и посидеть с нами весь ужин. На следующее утро можешь встретиться с кем захочешь, но в день праздника будь добра соблюдать хоть какие-то нормы.» – Джон явно старался играть в строгого отца при теще. Он уже знал, что та непременно после ужина подойдет к нему с заявлениями о плохом воспитании и предложит забрать внучку в свое поместье на время. К сожалению, на Анджелу это не произвело должного впечатления, она уже при входе в дом заметила его пылающие от вина щеки и воспринимала его строгость скорее, как помутнение от пьянства и мужскую прихоть.

«Папа, пожалуйста, я больше ничего не прошу. Я ведь и так проведу с вами всю неделю.» – Она уже понимала, что на отца дальше давить не стоит, но странное выражение его лица будто говорило «я не хотел» и она последний раз попыталась его убедить, посмотрев на его ответный взгляд «ну пожалуйста».

«Я сказал нет, разговор закрыт.» – Натужно грубым тоном более пьяно сказал он и повернулся к жене, которая от уже 20 минут обсуждала со свекровью соседку которую терпеть не могла.

Возможно, эта трапеза длилась бы еще час если бы не Анджела вставшая из-за стола сказавшая скудное «спасибо» и не ушедшая спать в свою забитую вещами спальню. После ее ухода все замолчали и в столовой веяло теперь неловкостью, а легкий шлейф ее призрания почувствовали на себе все. Несмотря на уже скромное по меркам семьи Дюжаль состояние Анжелла держалась крайне строго и тщательно оберегала все рамки, которые выстроила себе за долгие годы буржуазного стиля жизни и от того от нее веяло холодом и деньгами.

«Что ж девочки вы наверное очень устали с дороги и готовы провалиться даже в стог сена, верно?» – Он явно намеривался пошутить, но все действительно были настолько измотаны, что в ответ только вяло улыбнулись.

«Правильно, нечего сидеть.» – Бодро сказала хозяйка до-

ма и принялась сама прибирать посуду недожавшись прихода служанки.

За день до праздника весь небольшой дом стоял на ушах, все в нем кипело и звенело, стучало и передвигалось, вся кухня наполнилась ярким запахом овощей, а слуги только и делали, что бегали из комнаты в комнату передвигая все части интерьера. Одна только мадам Анджела сидела на кресле и с абсолютно спокойным выражением лица читала книгу лишь иногда вставая с места чтобы проконтролировать действия уже как она думала ее прислуги.

«Я побежала!» – громко крикнула Френсис сбегая с лестницы второго этажа и размахивая своей новой юбкой которую ей подарила бабушка Жаклин.

Девочка бы мигом выскочила за парадную дверь если бы не отец, преградивший ей путь.

«Дорогая, пропусти-ка меня» – сказал он с надрывом в голосе, в его руках была огромная корзина с фруктами, которую он собирался не иначе как грохнуть ей на голову если она мигом не двинется с места.

«Как ты кстати, Френсис. Подойди на минуточку.» – Чуть повысив голос строго сказала бабушка и используя вместо закладки перо закрыла книгу.

Френсис быстро отреагировала на просьбу бабушки и отбежав от двери мигом оказалась у ее кресла стоя немного в

нетерпении качаясь в зад и перед на любимых туфлях.

«Сядь рядом.» – Сказала ей сидящая горделиво фигура на против и указала рукой на небольшой стульчик рядом, который явно был менее удобен чем большое свободное кресло с боку.

Анджела любила садить всех правильно и не смотря на свободное рядом место попросила внучку сесть на против, на неказистый низкий стул. Так ей казалось разговор пойдет в верном русле.

«Ты ведь понимаешь, что не можешь вот так просто куда-то уйти» – Сказала она весьма спокойно и даже, казалось, с заботой.

«Мы просто не можем пустить тебя гулять по этому месту без сопровождения» – Она сказала это так, будто Френсис не была здесь чаще чем в поместье Дюжаль, будто не оставалась здесь жить на пару недель и не знала здесь каждого в округе.

«Но, я ведь была здесь последний раз полгода назад. Я знаю тут все, далеко уходить не буду. Только загляну к Сирилу до обеда и сразу вернусь» – Она вовсе не собиралась возвращаться к обеду. Но, теперь придется если уж она сказала что-то в слух, то придется выполнять, к тому же она говорит это не отцу или бабушке Жаклин, а той, что всегда готова наказать ее.

«Ты увидишься со своим другом завтра на торжестве, вполне можешь провести с ним немного времени даже после

праздника. А сейчас я бы предпочла закончить этот разговор и продолжить читать.» – Ее голос чем-то напомнил учительницу по этикету ту, что бабушка подбирала ей очень кропотливо так как сама была блюстительницей морали.

Этот краткий разговор не услышал в доме никто кроме собаки, которая, казалось, с сочувствием посмотрела на раздосадованную девушку и снова отвернулась к окну. Френсис все ждала, когда же кто-то вступится за нее, когда отец скажет свое фирменное «Да ладно вам», но каждый был занят своим делом. Ее обидчица снова стала читать книгу с неизменным выражением спокойствия, что будто ножом ударило в самоуважение Френсис. Она встала, пригладила руками юбку и слегка стучая каблуками об пол также быстро, как и спустилась поднялась на второй этаж.

Этот день казался Френсис невыносимым. Жгучее солнце прогревало крышу второго этажа до того, что казалось будто все во круг вот-вот начнет таять от температуры. Она уже не могла спуститься в низ, ибо даже от вида этой слишком строгой дамы у нее поднимался комок в горле. Поэтому Френсис как тряпичная кукла лежала на полу раскинув ноги у руки пытаясь хоть немного остыть и поймать едва уловимый ветер из окна.

Последний раз года она видела Сирила была зима. Она приехала погостить к бабушке и много времени проводила

во дворе после чего ей приходилась часами отогреваться у камина и сушить вещи от игр в снегу. «Это бы точно она не одобрила» – сказала в слух Френсис.

В этот момент в комнату постучали и после ее разрешения войти в дверях показалась Жаклин с конфетницей в которой за место шоколадных сладостей лежали сочные груши, сорванные ей пол часа назад в саду.

«Дорогая, не злись на нее. Я понимаю тебя, но ты точно увидишься с ним завтра на празднике. Кстати, он о тебе не мало спрашивал.» – Бабушка сказала последнее предложение подмигивая подтолкнув дверь ногой чтобы их никто не мог подслушать.

«У вас ведь не только дружба? Разве не так? Ты на пороге своей юности, так что будь уверена твои чувства я понимаю.» – Поставив тяжелую конфетницу на стол сказала она и уселась на кровать.

Френсис встала с пола, подобрала с плеч выбившиеся из прически волосы и подошла к окну. Из ее комнаты виднелась лишь верхушка дома Сирила, который был выше, но меньше, чем дом бабушки Жаклин. По правде сказать, внучке меньше всего сейчас хотелось выслушивать речь бабушки о том, что в свои 16 лет она тоже была влюблена и в 17 уже вышла замуж за покойного дедушку Пьера. Во рту от жары совсем стало сухо, и она не нашла ничего интереснее, чем сказать.

«Да, бабушка, ты права.»

«Ой, да брось ты.» – с усмешкой сказала Жаклин и улыбнулась из-за чего, казалось, резко помолодела на 10 лет. Франсис подумала какой наверняка красивой была эта женщина в своей молодости.

«Я хочу сказать, что я всегда на твоей стороне и даже если мадам Дюжаль и правда заберет тебя к себе в поместье я обещаю навещать тебя по меньшей мере раз в 3 месяца» – Это уже прозвучало не весело, а скорее безысходно. Она явно пыталась что-то скрыть и потому выдавливала из себя улыбку, которую за свои 64 года создавать искусственно так и не научилась.

«Что? Как это? Кто такое сказал, я никуда не еду!» – Это прозвучало скрипучим голосом, прорезывающим всю комнату. Френсис вдруг стало не по себе, она повернулась от бабушки к окну и жадно попыталась вдохнуть побольше воздуха, ветер как назло был обжигающе горяч.

«Все будет хорошо, ты главное не нервничай. Нет ничего хуже перед праздником чем беспокойство по мелочам. Верно ведь?»

«По мелочам... по мелочам» повторяла про себя девушка в попытках привести себя в чувство. К сожалению, ей это не удалось и уже через несколько секунд подбежавшая к ней бабушка Жаклин, мягко поддерживая ее помогла уложиться на постель.

На первом же этаже все это время созревал настоящий

скандал. Джон вдруг выяснил что его, казалось бы, весьма послушная жена дала согласие на то, чтобы мадам Анджела де Дюжаль забрала их дочь под свою опеку на целый год. Безусловно ее согласие тут было менее важным чем его решение, но сам факт, что Доес так могла поступить просто не укладывался в его уставшей после работы в поле голове.

«Джон, любимый ты ведь и сам это видишь. Она совсем не слушается нас, не стала помогать нам с приготовлениями, с трудом училась даже при наставниках и пару раз лгала нам что была в библиотеке, а мы замечали ее у с подружками».

«Она ведь еще ребенок!» - для Джона любая девушка младше 17 лет считалась совсем дитем, которому, по его мнению, можно было простить любую шалость. Он ведь влюбился в Доес когда той было всего 16 лет и помнил как она вела себя при друзьях и что могла позволить себе когда ее мать была в разъездах. У них была небольшая разница в возрасте равной в 4 лета, но он считал себя достаточно взрослым чтобы следить за ней в начале их романа и только после ее 19летия он сделал ей предложение.

Доес и сама уже понимала, что поступила неправильно, кто угодно, но только не она могла читать мораль. Он простил ее когда до свадьбы она закрутила роман с его другом, смог остановить ее в желании гулять по светским мероприятиям когда у них только родилась дочь и необходимо было проводить все время с ней. Доес уже собиралась открыть рот

чтобы сказать слова извинения, но встретила со строгим взглядом матери и промолчала.

«Я не отнимаю у тебя дочь, Джон. Ты всегда будешь самым главным человеком в ее жизни. Верю, что ты хочешь подарить ей прекрасное будущее. Я не злая женщина, у меня нет цели заточить девушку. Она будет ходить на мероприятия, посещать вечера, учиться, общаться. Ты часто в разъездах, ты работаешь для семьи, а я хочу помочь» – Ее тон был примирительным и на удивление Джона речь не звучала как очередная попытка указать на его недостатки. Он смягчился, слегка покачиваясь от усталости в ногах плюхнулся на диван и почти ели слышно произнес – «Мы будем приезжать как можно чаще».

В комнате было шумно от людского смеха и разговоров, это был настоящий маленький праздник каким и представляла себе свой день рождение Френсис. Отец с энтузиазмом рассказывал Энни их соседке про новую статью за которую получил не малую прибавку к зарплате. Он был одним из самых значимых журналистов для их газеты и не мог при случае не рассказать об этом. Энни наклонившись поближе к Джону даже не пыталась скрыть свой интерес и громко почти вызывающе смеялась над его шутками от чего Френсис становилось неловко и она поспешно отворачивалась надеясь не увидеть заинтересованный взгляд у отца.

Доес была красивой женщиной, но совершенно не могла вытерпеть даже простой конкуренции за мужа. Да, казалось бы, это всего лишь праздничный ужин, но все понимали, что такой праздник – это всегда повод обменяться любовным взглядами, получить нужную дозу женских ласк и разойтись. Доес же была другого мнения о всех встречах со старыми друзьями, она начинала без умолку рассказывать о всем подряд, что купила в Париже, где находится ее любимое заведение, почему несмотря на кризис в стране им удастся держаться на плаву. В такие моменты она теряла все свое очарование и на нее нельзя было смотреть иначе чем как на пластинку с довольно надоедливой музыкой.

Жаклин и Анджела де Дюжаль нашли себе тему для разговора и мило, казалось бы, даже беззлобно беседовал о новой домработнице, которую Анджела поселила у себя и даже смогла на время доверить свое поместье.

Френсис же все время посматривала на Сирила. Он крайне изменился за полгода ее отсутствия. Теперь в дали стола сидел совсем уже взрослый мужчина, поначалу показавшийся ей даже незнакомцем пока он не улыбнулся, и она сразу не узнала в нем того самого озорного паренька, с которым проводила большую часть времени в детстве.

Он был до мелочей похож на своего отца и от того казал-

ся ей еще взрослее. В свои 18 лет Сирил был высоким брюнетом с явно физической работой. Широкие плечи и руки в мозолях выдавали в нем теперь уже не просто помощника по хозяйству, а скорее главную опору для своих родителей.

Сирил смотрел на Френсис пристально пока та не почувствовала его взгляд на себе и не заметила, как он держит бокал вина приподнимая перед тем как выпить говоря жестом – «за тебя».

Она не могла сесть спокойно и несмотря на всеобщее приподнятое настроение чувствовала себя не в духе. Их семейный разговор о переезде к бабушке оставил на ней давящее ощущение предательства. И как бы Мама с Жаклин не старались ободрить и поднять настроение, на ужине она неизменно думала о том, как же ей будет тяжело учиться в частой школе, а после скучать в стенах бабушкиного дома.

Когда все стали расходиться каждый гость счел своим долгом обнять Френсис и сказать пару слов напутствия перед новой жизнью. Ей казалось будто все относятся к ней так, будто ей не 16 лет, а 12 и она никчемная девчонка, которую срочно нужно перевоспитать. Через пол часа, когда наконец ее обнимала последняя гостья, душившая ее своими через чур резкими духами, Френсис заметила в углу стоящего Сирила. Он о чем-то оживленно беседовал с Жаклин и ей вдруг сделалось совсем плохо. Френсис охватил такой страх будто она его может потерять, может потерять их совместные про-

гулки на каникулах, только им понятные шутки, его громкий смех заставляющий улыбаться.

Сирил по-настоящему стал старше, он уже совсем иначе говорил, его движения уже не были такими резкими и спешащими, а также он на целую голову был выше ее. И это несмотря на небольшой каблук на любимых туфлях Френсис.

«Я тебя так давно не видел, очень скучал. Поздравляю, наконец ты стала взрослой, помнишь как ждала именно этот день на каждом празднике» – он говорил это сидя рядом с ней возле камина в его руках был тот самый бокал вина, который он так и не допил, а только нервно перемещал из руки в руку.

«Да, помню» – на самом же деле Френсис не могла сейчас погрузиться в воспоминания и прокрутить этот момент в своей голове. Все перекрывало две основные и не очень хорошие фразы «Ты изменился» и «Я не приеду следующей зимой»

«Френсис, ты стала совсем другой. У тебя что-то произошло?» – Его явно волновала ее молчаливость и угрюмость, казалось будто она стала старше на добрых 10 лет. Сирил смотрел на Френсис не отрывая взгляда от зеленых глаз в

которых отражался огонь.

«Мы должны с тобой сходить к реке и обязательно пустить по ней корабли как мы делали это в детстве. Помнишь?» – С его уст это прозвучало даже странно, его выглаженный костюм, галстук, туфли, все это не совмещалось с теми шалостями, которые они творили в детстве.

«Наверное ты прав, помню, как на свое 13летие ты упал в реку с лодки, когда ты решил доказать, что рыбу поймать руками все-таки можно» – Сказала она, посмотрев на него пристально стараясь понять помнит ли он это.

«Ахаха, точно было дело. Не смотри на меня так. Сама не лучше ведь спасая меня ты чуть не утонула, хотя я и умел плавать, а ты глупышка нет» – Вид у него тут же стал такой родной, узнаваемый, его смех напоминал ей о самых веселых моментах их детства. Она его наконец узнала. Да, старше, выше и чуть спокойнее, но все еще ее родной Сирил.

Несколько часов они проболтали так у камина пока прислуга бегала по дому раскладывая все на свои места и прибираясь после небольшого торжества. Отец с матерью сидели на улице в беседке, по их лицам было видно, что вина они выпили не мало и собираются сидеть там пока их не начнет клонить в сон и они не запрутся в спальне. Анджелла де Дюжаль уже была в своей комнате и вероятно читала книгу, а может писала письма своей домработнице о том, как стоит

следить за ее поместьем. Жаклин же легла спать сразу после ухода гостей, она так наговорилась, что теперь ей необходим глубокий сон чтобы восстановить силы.

«Я бы хотел зайти за тобой завтра после обеда. Френсис ты будешь свободна?» – сказал он поднимаясь с мягкого кресла держа в руках уже опустошенный бокал красного.

Френсис привыкшая к их обычаю заходить в любое время была слегка ошарашена его вопросом. Она посмотрела на него с низу в верх, потом встала с кресла улыбнулась и решивши подыграть ему протянула перед собой руку.

«Кончено сэръ Сирил, я буду ждать вас после полудня» – На свою речь она ожидала услышать его смех, но он лишь взял ее руку в свою и прикоснулся к ней губами.

Френсис смотрела из окна как он уходит все еще в ступоре от того, как он с ней попрощался. Слишком странно для затянувшейся шутки. Может на него так повлиял выпитый бокал вина?

На следующий день она встала поздно. Глаза слипались и усталость после вчерашнего дня заставила ее проваляться в кровати до самого обеда. Френсис решила, что раз она совсем скоро перейдет под покровительство бабушки и будет обучаться в значительно более строгой школе чем ее нынешняя, то ей необходимо довольствоваться свободой сейчас на-

сколько это возможно. Спустившись вниз, она застала всех в зале кроме мадам Дюжаль, которая как сказала мать читала в саду и попросила ее не беспокоить. Френсис присоединилась ко всем за чашкой чая и обсуждениями о том, какие у кого теперь планы на оставшиеся 5 дней в деревне.

«Нам с Доес нужно сделать пару вещей в саду. Еще нас пригласили завтра на ужин Маргарет и ее муж Пьер. Также мы хотим и сами организовать пару званых ужинов, опробовать новые сорта вин. Ах да! Мы с Доес намеренны сшить несколько платьев которые взяли из журнала L'Officiel de la couture, они просто замечательны!» – Жаклин говорила это с таким энтузиастом что даже Джон, который как никто был далек от шитья и модных журналов улыбнулся и радостно посмотрел на счастливую жену.

«А ты дорогой?» – Она уже знала его ответ. Ее муж был настоящим работягой и несмотря на его работу из-за которой он сильно уставал и был чаще в поезде чем дома. Он едва ли собирался пролеживать весь отпуск, но в глубине души она надеялась, что он все же решит уделить время спокойному отдыху.

«Ничего нового я тебе не скажу. Нужно подготовить дом к осени, не хочу доверять это никому. Пару деревьев уже стоит убрать из сада, мне не нравится, как прогибается паркет в обеденной зоне и честно сказать я бы все же уделил время на рыбалку.» – Джон точно устал после вчерашней ночи, его выдавали синяки под глазами и медленная несвойственная

ему речь. «А ты Френсис?» – Посмотрел на нее отец, слегка улыбнувшись и пригласив сесть рядом с ним, а не зажиматься в угол комнаты и наблюдать со стороны.

«Я.. даже не знаю, придется проводить последние счастливые дни, встречу с Сирилом например, еще зайду к Элоне. Мы давно с ней не виделись, но может проведем время втроем у реки.» – ей показалось, что это не звучало достаточно грустно и жалобно и Френсис поправляя блузку добавила «А оставшееся время буду учиться, нужно подготовиться к мучениям.»

В комнате воцарилась тишина, разбавляемая лишь пением птиц из окна. Джон с Доес переглянулись и взялись за руки обозначив свою решимость, а Жаклин отвернулась и сделала вид будто что-то рассматривает на полках.

«Вы меня не слышите? Я же сказала, что никуда не поеду!» – На Френсис вдруг накатилась такая волна злости и отчаянья даже больше, чем когда ей сообщили новость о переезде к мадам Дюжаль. Они ведь не просто отправляют ее на чертово перевоспитание, нет они буквально придают своим молчанием.

«А я сказал, что это не обсуждается. Ты будешь учиться там и на этом точка. Я не могу найти для тебя лучшего образования чем то, что организует твоя бабушка» – Усталость с лица отца резко пропала и сменилось на раздражение и злость. Сказав это будто рывкнув он встал и пошел в

столовую. «Я голоден» – крикнул он уже из столовой и сел за стол тут же за ним подскочила бабушка Жаклин так и не посмотрев на Френсис.

«Ты ведешь себя ужасно, ты портишь всем отдых.» – тихо наклонившись к ней сказала мать и тоже направилась обедать. Стуча каблуками по паркету делая это демонстративно громко.

Через пару минут на стол накрывали домработницы. На обед они решили поесть овощную запеканку, пасту и пару десертов. Из столовой начал разноситься приятный аромат, как только на стол поставили блюдо и начали раскладывать по тарелкам. Продолжать разговор о своих планах ни у кого не было желания и каждый просто молча ел, обдумывая произошедшую ссору.

Френсис оставшаяся сидеть в гостиной почуяв аромат еды вдруг поняла, насколько она голодна и как же нелепо она поступила, утроив скандал. Отступить было некуда, извиняться она все-таки не хотела ведь считала, что сказала правду только в более грубой форме чем ей этого изначально хотелось. «Я схожу за бабушкой» – крикнула через коридор Френсис и побежала к выходу так, будто ей не резали глаза слезы от обиды и несправедливости. «Вот это правильно» – услышался ей вслед голос отца, который теперь казался еще более усталым чем до их небольшой стычки.

На улице стоял зной и тишина, в такое время даже птиц становится меньше, они прятались в тени в ожидании вечерней прохлады. Во дворе стоял освежающий запах мокрой земли, несколько минут назад одна из служанок поливала сад и теперь цветы уже не выглядели так, будто вот-вот погибнут от иссушающего солнца. В дали сидела мадам Дюжаль отложив книгу и надвинув шляпу ближе к носу закрыв глаза. «Кажется она дремлет» – подумала про себя Френсис и пару минут колебалась на пороге в мыслях о том стоит ли будить бабушку ради обеда или попросить приготовить ее порцию позже.

Подойдя как ей казалось к спящей фигуре Френсис с удивлением поняла, что бабушка вовсе не спит, а просто о чем-то задумавшись смотрит на гортензию и будто совсем ее не слышит.

«Бабушка, все садятся за стол. Ты голодна?» – стоя перед ней спросила Френсис.

«Сядь рядом, нам нужно поговорить.» – указав на свободное место в беседке и поправив шляпу сказала бабушка. «Я тебя люблю. Ты это ведь понимаешь?» – она редко говорила такое от чего ее тон был странно строгим для мягких слов. Анджела де Дюжаль непривыкшая объяснять свои теплые чувства не стала дожидаться ответа и продолжила. «У меня есть возможность устроить тебя в лучший женский колледж. К счастью, ты будешь находиться рядом. Закон-

чишь лучшее обучение в округе и благополучно выйдешь за муж. Ты ведь сама понимаешь, насколько это важно.»

Френсис этого не понимала или на отрез не желала понимать. Ей претило это благородство, еще пару лет изучения этикета, фортепиано, литературу, языков и как ей казалось она сойдет с ума. Чему еще ее собирались научить. Она была лучшей в своей предыдущей школе не считая Кей, которая была явно помешена на обучении и только и говорила о том, как мечтает выйти замуж сразу после выпуска.

Все это притворство перед бабушкой Френсис сильно надоело, она чувствовала себя зажатой в тески. Нет не то сравнение, скорее она была собачкой, которая послушно выполняла ее команды.

«Я вообще-то планировала работать, а не выскочить замуж» – высказала она и тут же будто окаменела, ей стало по-настоящему страшно. Никого она из семьи так не боялась. Так страшно, что в глазах слегка потемнело и она набрала побольше горячего воздуха перед тем как снова сказать «Я только хотела сказать что..»

«Не надо слов, я не хочу это слушать.» – мадам Дюжаль встала и посмотрев на внуку казалось спокойным взглядом дополнила «Пойдем обедать, нас ждут».

Френсис еще некоторое время не могла прийти в себя ни в

момент обеда, ни после него, когда она решила прогуляться по саду. На такое скребущее душу состояние у нее было две причины. Во-первых, ей было страшно за себя перед бабушкой, как она теперь будет к ней относиться? Что еще решит сказать ее родителям? Какое ее ждет будущее, она правда выйдет замуж и все? И второе, она никак не могла поверить, что ее совсем не слушают. Куда лучше если бы ее не понимали, говорили, что она еще глупа и мала, что с возрастом все поймет, но нет ее просто не желали слушать. Что казалось Френсис куда более тяжелым оскорблением.

Она гуляла по саду около пятнадцати минут обдумывая как теперь ей себя вести. За обедом все говорили о чем угодно кроме как о ней и скором ее уезде от сюда. Отец обсуждал накаляющуюся обстановку в Германии, именно о ней он писал новую статью. Мать с Жаклин обсуждали какую ткань выбрать на платье, которое они принялись шить сразу после обеда. Анджела де Дюжаль поддерживала разговор краткими замечаниями.

В саду было совсем тихо, душно и сильно пахло сиренью. Рядом с ней шла Луиза которая иногда грустно скулила и тыкала носом в щиколотку будто чуяла, что Френсис не в духе.

Резко Луиза развернулась залаяла и побежала в сторону дома. Развернувшись, Френсис увидела серила который направлявшегося к ней. Подбежавшая собака, казалось, собьет его с ног, но он аккуратно взял пуделя за передние лапы и

начал дразниться с ней. Со стороны эта картина выглядела так мило и невинно, будто Сирил был совсем ребенком, а Луиза не была стареющей и слегка упитанной собакой.

«Прости что задержался» – опуская и попутно глядя собаку сказал он. В этот раз Сирил выглядел милее, на нем не было того пиджака, которого Френсис испугалась так как этот предмет гардероба на нем никогда не видела. Теперь он стоял перед ней в светлых брюках и рубашке с коротким рукавом которая шла к его голубым глазам.

«Ничего страшного. Я правда еще не успела сказать своим что уйду сейчас, ты можешь подождать меня здесь?»

«Я уже поговорил с миссис Доес, она доверила тебя мне и попросила прийти к ужину вместе.»

Френсис расстроилась ведь хотела не отпроситься у матери, а переодеться во что-то более подходящее для прогулки чем длинная юбка с белой блузкой. Куда лучше ей бы надеть платье свободного кроя а не то, что любила и одобряла бабушка. Она представила, как переодевается, спускается по лестнице и сталкивается с неизменно статной фигурой, которая велит ей немедленно сменить наряд. Еще одного скандала за день Френсис бы не вытерпела поэтому решила не возвращаться в дом. Ей и так предстоит рассказать Сирилу о том, что тот не сможет увидеть ее на следующих каникулах. Поэтому лишние склоки сейчас могут только сбить с толку.

Они прошли мимо больших будто вечно новых домов, поздоровались с соседями которые занимались делами с своем саду, но чаще семьи лишь наблюдали за тем как их цветы поливает кто-то другой. Солнечный круг стоял прям над их головой от чего невольно хотелось сбежать в безопасное место и выпить холодной воды. Всю дорогу до реки они шли удивительно молча, будто совсем и не был лучшими друзьями с детства, которым всегда было что обсудить.

На берегу реки не было никого.

«Да, в такую жару все остаются дома, даже Бернар сегодня не рыбачил. Хотя кого, а его точно не так-то просто вытащить из лодки даже в ураган» – сказал Сирил оглядел местность во круг чтобы предложить куда-нибудь сесть, но к несчастью все заливало ярким солнечным светом и тени он не нашел.

«Ничего страшного, нас тоже трудно спугнуть.» – Ответила Френсис прикоснувшись пальцами к прохладной воде.

«Нам следовало остаться в нашем саду, мы могли бы посидеть в беседке. Мне казалось, от воды будет веять прохладой если мы сядем рядом, но почему-то я больше не вижу бревна, на котором мы сидели раньше.» – При всей жаре Френсис понимала, что увела его от дома не случайно. Разговор о их расставании на такое долгое время должен проходить подальше от дома и любопытных глаз.

«Я сейчас» – Быстро протараторив Сирил побежал в сторону деревьев оставив Френсис одну около воды. Френсис не

покидала мысль. Да, у него здесь был Жюль. Парень старше его на год, который всем своим видом и поведением походил на хомяка. От него невозможно было дожидаться разговоров по душам, он совсем не читал книг и, по правде сказать, любил только вкусно поесть. Второй его сосед, с которым Сирил часто пересекался был Лоренс. Друзьями их назвать было сложно, тот совсем не умел дружить, у него была вечная привычка говорить колкости, подтрунивать даже в самый неподходящий момент. В день похорон матери Сирила он просто отвратительно пошутил, сказав другу, что теперь ему никто не сможет помешать стать писателем. Эта женщина была строга и видела в своем сыне никого иного как врача, что на корню убивало все мечты мальчишки. В тот день прямо после похорон Сирил заявился в дом к семье Лоренса и затеял драку. Так что их отношения с тех пор нельзя было назвать дружескими. Сирила не на кого было оставить, никто не мог стать ему таким другом которым стала ему Френсис и потому уезжая она чувствовала вину.

«Садись вот сюда» – тяжелым голосом сказал Сирил ставя возле реки спил ели напоминавший теперь импровизированную табуретку. «Я взял это у Матео, он сказал, чтобы я отнес потом спил к нему» – он развернулся назад к деревьям и помахал в ту сторону рукой. Только в тот момент Френсис заметила меж деревьев Матео, работника которого нанимала семья Бонье. В качестве помощника. Девушка тоже с бла-

годарностью помахала ему, но тот уже принялся снова за работу.

«Я так скучал, столько нового произошло пока ты училась. Мы с отцом починили крышу, у нас новый жеребенок. А еще Френсис, я поступаю. Представляешь?» – в его глазах было столько радости, столько желания поделиться эмоциями что она не могла не улыбнуться ему в ответ что он принял как одобрение и продолжил. «Я буду учиться на врача. Знаю отец уже многому научил меня, но я буду проходить практику. Стану настоящим врачом. Ты это понимаешь?».

«Врачом? Ты разве не мечтал быть писателем?» – Присев на предложенное место для нее сказала Френсис и посмотрела на Сирила так будто он сказал полнейшую глупость. «Ты же не хочешь мне казать что бросил мечту и пойдешь по стопам отца?»

«Мой отец благородный человек, он единственный врач в этой глуши. И не смотри пожалуйста на наш скромный дом, мы со многих не берем денег, некоторым помогаем по дружбе, и я хочу быть тем, кто заменит отца здесь» – Сирил вдруг вытянулся, стал значительно старше и стоя перед ней казалось будто он злился на нее чего раньше никогда не случилось. Он часто стыдился своего скромного дома, но верил в своего отца и в его идеалы, которые не позволяли ему брать плату с друзей, а друзей в маленьком месте может быть много.

«Сирил при чем тут это. Я знаю мистера Чарльза и глубо-

ко признательна ему за помощь, которую он оказывает всем нам, но ты ведь хотел иного разве не так?» – от ее слов исходил примирительный тон от чего он опустил плечи, вдохнул воздух и спокойно почти с грустью произнес. «Я знаю, но чувствую, что так я смогу стать более полезным. Мне уже не по возрасту мечтать. Писать я продолжу, может даже попробую что-то оправить в Париж. Но я не могу оставить это место, не могу и все.» он отвернулся от нее и смотря на воду уже с улыбкой произнес: «К кому-то же ты должна будешь обращаться за помощью, когда еще раз подвернешь ногу катаясь на коньках».

«Даже не напоминай мне то падение прямо на празднике, не говори этого в слух» – Она смотрела на него с нисходящей улыбкой вспоминая как полгода назад крайне нелепо упала во время попытки совершить пируэт.

«Смотрите на меня! Вот как я умею» – произнес он раскинув руки изображая Френсис в тот самый момент падения и расхохотался. «Это еще хорошо, что мадам Дюжаль не смогла приехать. Представляю с каким лицом бы она на это смотрела». Их смех разлетелся над рекой подхватываемый ветром который уже не так обжигал и казалось, что так будет вечность. Что вот оно настоящее счастье, и никто из них не должен покинуть это место по меньшей мере на пару лет.

После реки, они решили пройти мимо их старой школы в

которой вместе учились пока родители Френсис не решили забрать ее в город. Зашли в гости к семье Жюля правда они не застали его дома. А после решили забежать домой чтобы Сирил смог «Одеться по приличнее» как он сам выразился к ужину. Ее слова о том, что это все не обязательно на него не сработали и он надел свой второй костюм, в котором как ей показалось он смотрелся еще лучше, чем а том в котором был на ее дне рождение.

«Мне идет?» – сказал он подходя к Френсис которая ждала у калитки. «Прости что не позвал в дом, мисис Вьен стало плохо, ей сейчас помогает прийти в себя отец. Не хотел ему мешать».

«Ты выглядишь замечательно» – посмотрев на него с ног до головы она еще раз убедилась, как сильно от вырос за полгода и как ему шли костюмы. Его и без того светлые волосы выгорели на солнце и иногда казались совсем прозрачными, а загорелая кожа очень хорошо читалась со светло коричневой тканью в клетку.

Ужин был по-настоящему семейным. Все за столом принимали Сирила как своего, кроме мадам Дюжаль, которая казалось с недоверием смотрела на него весь вечер. Но несмотря на ее странное поведение, когда им принесли десерт все уже во всю смеялись, обсуждая все и всех подряд и в то же время ничего перескакивая с темы на тему.

«Сирил дорогой, ты хорошо питаешься, вижу как ты вытянулся, но кажется что слегка похудел» – С заботой спросила миссис Доес пододвигая к нему поближе большую корзину фруктов. «Тебе следует следить за собой, на тебя вся надежда. Слышала от твоего отца, что ты совсем скоро будешь доктором, это так?» – с улыбкой поинтересовалась она и жестом попросила помощницу налить ей еще вина.

«Да, вы правы. Но я буду приезжать сюда как можно чаще».

«Помогать отцу?» – молчавшая весь ужин спросила мисс Анджела.

«Да, конечно. Есть обязанности во дворе, дом всегда нужно облагораживать и конечно я буду скучать по отцу. Но и Френсис это один из поводов приехать сюда во время каникул». – Сирил посмотрел в сторону Френсис, слегка встревоженный тем, что сказал. В ответ ему она лишь положила в рот большую ложку мороженого и покраснела.

На несколько секунд воцарилась тишина нарушаема только стуком посуды и шагами служанок по дому. Доес и Джон уже были на веселе и не смогли скрыть своего умиления. Они обменялись многозначительными взглядами, а мисс Жаклин слегка растаяла в улыбке.

«Ты знаешь, что Френсис будет жить у меня на протяжении пары лет? Мы решили, что ей стоит нанять репетиторов и закончить домашнее обучение без отвлекающих фак-

торов, которые бывают в учреждениях. Она не сможет приезжать сюда так часто как делала это раньше.» – Произнесено это было настолько холодным голосом, что всех невольно пробрала дрожь. Мисс Дюжаль смотрела прямо на Сирилу ожидая его реакции и казалось вот-вот произойдет что-то страшное.

«Нет, я не знал. Но очень рад за нее, хорошее обучение – это всегда правильное решение» – Смотря в глаза спокойным тоном произнес он и продолжил наливать в свой бокал лимонад.

Остаток ужина прошел чуть более сдержанно, чем он начинался. Ведь за столом сидела женщина умеющая портить всем вечер и каждый боялся сказать лишнего. Изрядно напившись Джон смеясь поднял на руки Дюес, пожелал Сирилу приятного вечера и понес жену на второй этаж. Жаклин, попросившись ушла в свою комнату делать выкройку для платья. Она последние дни была совсем грустной, и чтобы не вызывать у всех беспокойства просто ложилась спать раньше обычного списывая все на якобы усталость от шитья. На самом же деле ей покоя не могла дать мысль, что она не может отстоять внучку, потому что решение уже было принято родителями. А она даже при всей своей любви к сыну не хотела лезть к ним в семью принимая решения за других. Да и мадам Анджела была права, образование очень важно в наши дни, никто не возьмет за муж девушку только из-за ее красоты.

«Френсис, проводи гостя» – Сказала мадам Анджела встав из-за стола самой последней. «Сирил, спасибо что пришел к нам. Мы были рады видеть тебя»

«Вам спасибо за прекрасный стол.» – слегка кивнув произнес он и не дожидаясь пока Френсис подойдет вышел из дома.

Разговор у ворот состоялся не из самых приятных. Сирил не мог понять почему Френсис не рассказала все сразу, как только ее родители решили увезти ее так далеко. А она не могла найти себе оправдания. Ведь то как он узнал о ее отъезде на долгое время было действительно грубо. Летняя дневная жара сменилась прохладным вечером, над их головой появлялись первые звезды и снова показалось что так будет всегда. Ему хотелось рвать и метать все что он видит, а ей плакать. И только одну фразу она надолго запомнила из того душевного разговора:

«Обещай мне писать, даже когда кажется, что ничего интересного не произошло. Просто отправь хоть пару слов»

Френсис не могла понять его беспокойства они ведь и так еженедельно обменивались письмами уже на протяжении нескольких лет. Она писала ему о том, как ее раздражают иногда преподаватели, что нет ничего ужаснее чем уроки танцев и рассказывала сюжет книг, которые читала в свободные дни. А Сирил только и делал, что спрашивал, когда она придет и отсылал стихи, написанные им, ведь он правда хорошо их писал.

«Обещаю» – сказала Френсис и обняв друга на пару секунд резко отпустив побежала домой. Ей вдруг стало так тоскливо, что хотелось поскорее спрятаться в своей спальне и смотреть из окна на родное место, которое она скоро покинет.

До ее отъезда оставалось всего 4 дня и в ее планах было сделать эти дни незабываемыми. Френсис решила составить список мест, которые должна пройти вместе с Сирилом и придумать чем они займутся. Список основывался на том, как они развлекались в детстве, когда их компания была больше и каждый день был маленьким праздником лета. И вот какой план был у Френсис на эти несколько дней:

Поймать наконец рыбу весом 1 фунт и не упасть в воду.

Посмотреть кто кого выиграет в соревновании «Лучший прыгун».

Забраться на 3тий этаж заброшенного дома.

Бесстрашно преодолеть болото. (хоть как ни будь преодолеть болото).

К сожалению, в своей комнате она не нашла бумаги или старой тетради, в которой могла бы записать то, что придумала. Поэтому Френсис приняла как ей показалось умное решение написать список в книге, которую она якобы читала перед сном, в чем заверяла мать. Открыв последнюю стра-

ницу книги, она мелким почерком записала каждый пункт и взяв книгу в руки спустилась из комнаты в гостиную.

«Френсис, дорогая, присядь рядом.» – сказал ей отец который впервые за выходные пил не алкоголь, а лимонад.

Она послушно подбежала к отцу и плюхнулась в большое мягкое кресло, стоявшее рядом. Джон выглядел счастливым несмотря на усталость, за одно только утро он успел разобраться с полом, который так его напрягал своим скрипом и сейчас чувствуя себя на высоте он вспомнил о своих прямых обязанностях отца.

«Мне нравится твой друг Сирил. Я когда-то тесно общался с мистером Чарльзом. Замечательный врач и благородный человек. Но, я не так хорошо знаком с его сыном. Расскажи мне о своем друге. Мне нужно знать все!» – с яркой улыбкой спросил отец. Он всегда вел себя так будто слегка напился, радость в его глазах была ярче чем у остальных, но и злость он проявлял внезапно и, казалось, сквозь меры.

«Папа, я даже не знаю, что ты хочешь узнать. Он будет проходить практику на врача, хотя всегда мечтал стать писателем. Сирил много уделяет времени дому и уходу за ним, после смерти его матери отец стал часто болеть и все обязанности легли на его плечи.» – Френсис вдруг осознала, что

никогда не говорила о своем друге с семьей. Им было достаточно знать, что он сын Чарльза и видеть его рядом с дочерью под присмотром маленькой деревни. Чаше с ней разговаривала мать, а не отец. Она спрашивала про уроки, о том что она сейчас читает, постоянно докучала вопросом о том, как Френсис провела день с кем поругалась и при каких обстоятельствах. Уже к 12 годам Френсис поняла, что матери нужно отвечать так, чтобы она не могла задать еще один вопрос иначе это перерастёт в трехчасовую болтовню. Отец же задавал вопросы, требующие весьма кратких ответов «Да, я поела, спасибо», «Все хорошо», «Больше не болит», «Вернусь ровно в 18:00». Джон любил любить и работать. Их единственная дочь вызывала у него только гордость, ведь та родилась красивой, похожей на мать, унаследовав стройное телосложение и большие кукольные глаза.

«Ты его любишь?» – Внезапно громко спросил отец, посмотрев прямо на нее так, будто от ее ответа зависело все.

Френсис стало дурно, голова закружилась, в горле пересохло, а голове эхом звенел вопрос. Чтобы осознать то, что у нее спросил отец у нее ушло пару секунд и набрав побольше воздуха она быстро будто скороговорку произнесла.

«Нет, конечно, нет. Глупости какие, он друг тем более мы разъедемся». – Ее глаза смотрели на отца так, будто тот спросил что-то неприличное, выражение лица застыло в удивле-

нии и испуге буквально на секунду, что его сильно рассмешило.

«Ах-ха-ха, Дорогая. Я просто спросил, ты совсем еще ребенок.» – расхохотался отец и встав с кресла потрепал ее по волосам которые и без того лежали не лучшим образом «Ты хоть кушать пойдешь? Завтрак пропустила это ладно. А обед не смей» – сказал он и крикнул служанке накрывать на стол на двоих.

Оказалось, что сразу после обеда все решили пойти в гости к семье Бонье, но отец который никогда не отличался любовью к разговорам и сославшись на солнечный удар остался дома. От всех журналистов его отличало одно, он не любил людей. Его могли развеселить только женщины и вино, поэтому Джон не брал интервью, не вел репортаж с места событий. Он писал о политике, кратко, емко, с позиции человека, который разбирался в ситуации. Из-за чего все его общение за столом сводилось к работе и только если на столе стояла бутылка красного он мог слегка отойти от темы. Семья Бонье не питала страсть к алкоголю и на фоне его жены миссис Ирен выглядела куда старше своего возраста. А это значит, что Джону там делать нечего.

После плотного обеда Френсис сказала отцу о своих планах немного погулять с Сирилом и дочитать книгу у реки. Она сказала это чтобы у отца не возникло вопросов почему она берет с собой «Оскар Уайльда». Но, к счастью, у него

не возникло вопросов о необходимости читать возле реки и отец, одобрительно махнув рукой налил себе еще лимонаду.

В этот раз за Сирилом зашла Френсис. Как оказалось он помогал отцу вправлять ногу бедной даме которая решила на каблуках прогуляться в лесу. Подробности почему женщина была в лесу одна и бродила там без мужа он рассказывать ей не стал. В небольших местах к врачу относились так, будто он член семьи и его посвящали в такие тайны, о которых следовало молчать.

Через четверть часа они уже были у реки, от которой веяло прохладой и, к счастью, в лодке рыбачил мистер Бернар. Он заметил подходящих и махнул им большой рыбой показывая свой улов не скрывая радости.

«Сегодня мы тоже поймаем рыбу» – Сказала Френсис и помахала мистеру Бернару.

«Ты хочешь снова попробовать?»

«Да, хочу» – ответила она махая руками в сторону реки прося подплыть старого знакомого чуть ближе.

«Мистер Бернар. Вы не могли бы и нас взять? Мы обещаем на этот раз не тонуть!» – крикнула Френсис и в ответ увидела мах весла.

«Ты только не думай, что сможешь поймать больше, чем я. Деревенская ты наша.» – ехидно улыбаясь произнес Сирил.

Они плыли в полной тишине. Мистер Бернارد любил тишину поэтому, как только нога Френсис вступила на небольшую лодку он молча пожал ей руку и прислонил палец к губам в знак молчания. Френсис он обожал с ее раннего детства, ее нелепые попытки поймать рыбу были для него умилительны. К Сирилу он относился еще теплее, этот парень помогал ему добывать улов, а иногда просто что-то читал на берегу делая пометки в блокноте.

7 против 1

Френсис была поражена тому, как Сирил поймал столько рыбы и почему у нее не клюет, а он подсаживает одну за одной. Так долго продолжаться не могло и через час она сдалась, сложив руки смиренно на юбку смотря на единственную небольшую рыбку, которую смогла вытащить из прохладной воды.

«Я хотела, чтобы ты меня запомнил понимаешь? Чтобы ты потом вспоминал какая я была покорительница реки и что лучше меня никого не было.» – играя в обиду уже не берегу сказала Френсис и встала, скрестив руки на груди.

«То есть ты хотела быть рыбной королевой?» – передразнив ее сказал Сирил. Свой победный улов он оставил мистериу Бернару чем еще больше покорило сердце спокойного рыбака.

«Да, может быть и так» – куда веселее ответила она все еще держа руки на груди как пяти летний ребенок проиграв-

ший взрослому.

«Я тебя и так запомню».

Его слова прозвучали так спокойно и уверенно, что Френсис растаяла и опустив руки сильно покраснела.

Весь оставшийся день они молча гуляли возле реки иногда обмениваясь взглядами и рассуждая о том, как собираются перебраться через болото. Место, о котором они говорили являлось настоящим зловещим испытанием, в котором еще детьми они теряли обувь слыша странные звуки в ближайшем лесу и от страха убегали назад в деревню. Другая сторона леса казалась совсем закрытой будто сказочно неприступной. Никто из их компании еще не совершал этот подвиг. Каждый обещал подрасти и обязательно сделать это, но в итоге выбирали совершенно другой путь жизни. На место детским шалостям приходила мечта покорить Париж город, манивший огнями и возможностями быть кем-то. Но у них наконец была возможность воплотить то самое детское обещание. Они были достаточно взрослыми, чтобы не бояться и все еще достаточно детьми для того, чтобы иметь этот пункт в списке дел.

К счастью, сегодня было не так жарко и возвращаясь домой Фрэнсис вдыхая прохладный воздух чувствовала, что возвращаться в дом бабушки ей совсем не хочется. Она всегда ощущала счастье в деревне, но сейчас ее наполняла лег-

кая грусть и страх за будущее, сейчас всю тревогу она делила пополам с Сирилом.

«Фрэнсис, дорогая, подойди-ка сюда. Я очень рада, что ты дочитала книгу. Может быть, наконец, расскажешь свое впечатление?» – Спросила мать, как только Фрэнсис пересекла порог и тут же все жалость груди. Она вспомнила о книге, которую держит в руках и о том, что сказала отцу перед тем, как выйти из дома. Теперь перед ней стояла невыполнимая задача. Соврать матери так, чтобы она не наказала ее. Что было практически невозможно, если в метре от матери сидела мадам Дюжаль.

«Мама я так себя плохо чувствую, может быть, я расскажу тебе книгу завтра.» – Посмотрев своими большими глазами на мать, сказала Фрэнсис и тронула ладонью лоб.

«Мне кажется, я перегрелась на солнце» – Добавила она и облокотилась на стену. Стараясь делать вид бедной дамы, которой слишком давил корсет.

«Может быть просто не стоило гулять так долго.» – Сказала мадам Дюжаль смотря прямо на Фрэнсис, казалась она вот-вот разрушит ее ложь.

«Нет, все в порядке. Я просто... мне нужно было найти тень, а я зачиталась» – Сказала Фрэнсис, изображая усталость и головную боль. Она медленно подошла к бабушке с матерью и села на ближайший стул, опустила вниз руки и постаралась принять как можно более уязвимое положение те-

ла. Если сейчас ее обман раскроется, то все оставшееся время ей наверняка придется сидеть и изучать книги, которые бабушка привезла с собой.

«Я болею, я болею» – произносила Френсис про себя чтобы убедительнее играть в своем маленьком театре и наконец услышала спасительный голос.

«Боже мой, тебе правда плохо? Что же ты сидишь? Пойдем ужинать и в постель» – подбежав к ней беспокойно заговорила бабушка Жаклин и повела ее в столовую.

«Обязательно поешь дорогая. Твоя мать потрясающе приготовила ужин. Такую утку ты еще не ела.» – Раздался голос отца, спускающегося сверху. По его радостной походке было видно, что одним лимонадом он не напился.

К счастью, Френсис мадам Анджела де Дюжаль не выпалась и была слишком уставшей чтобы расспрашивать ее о том, как она провела день. А бабушка Жаклин всегда отличалась любовью к опекунству потому принялась ухаживать за больной Френсис так, будто она не напекла голову, а как минимум болела скарлатиной.

Последние дни Сирил и Френсис проводили вместе почти все время, то гуляя в лесу, то выполняя пункты ее списка. Только то самое болото они так и не смогли покорить, уже на подходе к нему, когда они все глубже начали просаживаться под землю и вода коснулась ее щиколоток Сирил взял ее за руку.

«Я не ожидал что ты решишься. Так надеялся, что ты все-таки отступишь и не пойдешь туда. Френсис, я боюсь за тебя. Вдруг я не смогу помочь.»

Только услышав его слова она наконец поняла, насколько ее детская мечта была безумной и не став спорить они повернули назад от места которое так и не смогли покорить. Последний вечер вместе они проводили в скромном саду его отца. Почти молча они просидели час наблюдая за тем, как день сменяется вечером. Время летело незаметно, наверняка ее уже ждали дома, но Френсис не могла оторваться от того, как он пересказывал ей «Портрет Дориана Грея». Сирил казалось, был так воодушевлен, так влюблен в литературу, что отвести взгляд от его сияющих глаз было невозможно. Никто из них не упомянул о их скорой разлуке. Что уже утром она сядет в тот самый маленький автомобиль с огромным количеством вещей, что спустя время их будут соединять только письма и то, как сейчас они держаться за руки страшась отпустить друг друга.

В день отъезда Френсис было удивительно прохладно, дул сильный ветер, который редко встретишь в их краях и деревья покачиваясь махали ей вслед. Только отъехав она поняла как много ей нужно написать ему прямо сейчас о том, как она не хочет к бабушке, как ей надоела мамина болтовня и как сильно хочется поймать еще одну рыбу в тишине. Напоследок она только попрощалась с ним и обняв чуть дольше

обычного пару мгновений смотрела в его темные, спокойные глаза.

«Я буду ждать».

Френсис много лет думала о том, правда ли он ждет, или это была лишь фраза, которую Сирил говорил каждому, кто покидал деревню.

Дорогой Френсис от Сирила.

Мне не передать словами в этом кратком письме как я скучаю. Когда-то давно мне казалось, что у меня есть хоть капля таланта к письму, что я смогу передать словами на бумаге все, что пожелает моя душа. Сейчас заканчивая свое обучение на хирурга, я понял, почему судьба не дала мне шанса писать. Если я не могу выразить в словах как сильна моя тоска по нашим прогулкам, то и в писатели я не гожусь.

Наконец я могу рассказать тебе о своих успехах, зная твою нежную натуру рассказывать подробности операции я не стану, но вчера я был ассистентом. Меня отметили, как одного из лучших на обучении и я счастлив писать об этом тебе и отцу.

Френсис, ты стала отвечать значительно реже, надеюсь с тобой все хорошо и ты, как и хотела переехала к матери с

отцом. Если же ты все еще у мадам де Дюжаль, то мне крайне жаль, что так сложилось. Надеюсь, она не слишком строга к тебе. Ты обещала писать мне, прошу только пиши.

Сирил. 1938 год

Дорогой Френсис от Сирила.

Благодарю тебя за соболезнования, похороны отца прошли спокойно, все как он и хотел, только близкие ему люди. За первый год работы я отложил сбережения, этого должно хватить на обустройство дома перед его продажей. Жаль продавать его, все-таки много было связано с этим местом, но что поделать Париж требует жертв. Я же тебе писал, что собираюсь обосноваться теперь здесь?

Я рад что ты живешь с родителями, нет ничего приятнее домашнего очага. Совсем скоро тебе будет куда приехать ко мне в гости. Что скажешь? Сообщи тебе свой новый адрес, как только со всем разберусь.

Часть письма Сирила

1940год. Тяжелый выбор.

10 мая 1940 года все окончательно развалилось. Отец Френсис знал к чему может привести вся это политическая неразбериха, начавшаяся в момент прихода к власти Гитлера. Джон долгое время был в политике и только сейчас в мо-

мент нападения Германии на Бельгию он понял, что грядет что-то серьёзное. Он не раз обсуждал ситуацию с коллегами по работе, и никто из них не затрагивал эту тему со страхом. Вооружение Франции было на высоте, техника превосходила возможного врага и, казалось, темные времена для Франции ждать не стоит. Действительно страх настиг его сердце лишь когда ему предложили освещать военную операцию против бельгийских, французских, британских и голландских войск на территории Бельгии. Он был не из тех, кто слепо верил в удачу и опираясь на свой приличный опыт решил принять меры. Теперь оставалось лишь 2 выбора, сопротивляться и возможно умереть или бежать пока оставалось хоть какие-то пути отхода.

В памяти Жаклин еще были свежи кадры, когда ее муж уходил на войну. Ему было 46 лет, крепко сложен, высокий, с пшеничными волосами, таким он запомнился ей уходя от нее строевым шагом туда, от куда мечтал бы вернуться. Он ушел из дома вторым, после Джона. Уход сына на войну был для нее ударом, потому отпуская туда и мужа Жаклин была в полном отчаянье и зачатую просто считала дни пытаюсь поддержать быт так, чтобы к их возвращению дом не выглядел забытым. Но к концу войны Жаклин получила лишь письмо о том, что муж пропал без вести. Письмо принес ей Джон, которого отправили домой из-за сильного сотрясения мозга. К счастью, смотря на своего сына сейчас за столом она

не видела в нем того сломленного войной человека, который смотрел на нее 22 года назад. Ей хотелось снова спрятаться в дальнюю часть дома, укрыться перьевым тяжелым одеялом и ждать, когда все пройдет. Надеясь, что в комнату тяжелой поступью зайдет высокий мужчина с пшеничными волосами.

Джон осмотрел всех сидящих за столом и налил себе виски, которым решил заменить привычное вино хотя бы в этот тяжелый раз. Перед ним сидела теща, смотрящая на него как всегда неодобрительно, с боку от нее сидела мать, держащая руку, Френсис. А рядом с ним потягивала вино Дюес и по тому, как она дергала ногой стало ясно, она сильно нервничает перед разговором.

«Я должен вам сообщить, что мы немедленно собираем вещи и переезжаем в Великобританию. Там нас встретит мой дядя мистер Эндрюс, я написал ему с неделю назад. К счастью, он в отличном здравии и готов содействовать нашему переезду» – произнес с ощутимой тоской Джон и налил себе еще виски в и так почти полный стакан.

Дискуссия о целесообразности переезда, казалось, длилась вечность. Мадам Анджела де Дюжаль не могла поверить, что ей придется оставить поместье без своего присмотра на долгое время. Ее поместье было единственным местом, в котором она могла почувствовать себя спокойно. Последнее воспоминание о счастливой жизни с покойным мужем,

вся ее молодость, смерть матери и другие моменты жизни оставляя которые было больно. Жаклин, едва задерживая слезы пыталась осознать происходящее, а потому не могла вставить ничего конструктивного кроме слов о том, как ей жаль покидать родное место и создавать неудобство для брата. Джон неумолимо стоял на своем выпивая по ходу разговора все больше и больше, что ближе к концу жена уже отодвигала от его рук бутылку. Его единственная дочь смотрела на все происходящее стараясь не вмешиваться. Френсис знала, все решат за нее и, к счастью, к 20 годам она уже поняла, что зачастую решения семьи были для нее верными. Их встреча закончилась общим решением уезжать из страны немедленно, а именно через четыре дня уже томиться от морской болезни качаясь на волнах.

Френсис сильно устала во время этого путешествия, ей приходилось постоянно присматривать за бабушками, которые то и дело валялись с ног и засыпали на ходу. При всем ее уважении к ним их нельзя было назвать подготовленными для таких событий и врача в каюту приходилось вызывать так часто, что в итоге мужчина решил пробыть весь путь с ними. Если Анджела де Дюжаль еще могла похвастаться стойкостью духа, то бедная бабушка Жаклин совершенно не переносила волны и жару, в которой им приходилось томиться на корабле. К счастью, отец был знаком с капитаном, он как-то писал о его боевых подвигах и весьма лестно отозвал-

ся о его достижениях из-за чего их немедленно переселили в свободную каюту первого класса, в которой дышать стало легче. Выйдя пред прибытием на палубу, Френсис подслушивала в пол-уха чужие разговоры, кто-то верил в свою страну, кто-то морально готовился к худшему, но так или иначе все они просто бежали.

Дедушка Эндрюс оказался точной копией своей двоюродной сестры, такой же сговорчивый, весёлый и к большому облегчению искренне гостеприимный. Если описывать его жизнь здраво, то можно удивиться как такой простодушный старик имеет такое солидное количество денег и по-настоящему роскошный фамильный дом, сильно превосходящий даже поместье семьи Дюжаль. У него не было «железной хватки» присущей всем бизнесменам того времени, нет он скорее напоминал комок сентиментальности, чем человека, заработавшего все своими силами. Как рассказала позже бабушка Жаклин, ее двоюродный брат Эндрюс принадлежал к роду дворян и потому от отца унаследовал не только статус.

«Ты никогда не говорила мне, что являешься дворянкой» – возмутилась Френсис, сидя за несуразно большим столом, ломившимся от приготовленной для их приезда еды.

«Да брось ты, говорила конечно. Просто ты была малень-

кой, вот и забыла. Да и что у меня от этого осталось сама подумай? Дом у меня скромный, разве что земли много, но это ведь тоже не предел мечтаний.» – быстро отшутилась Жаклин, которая не очень любила вспоминать родителей и свою родословную. Казалось, что ее история таит секреты, которые очень хотелось узнать Френсис, но та из уважения к бабушке решила больше не расспрашивать об этом.

«Я абсолютно согласна с Жаклин. Род уже не имеет веса в наши дни, к сожалению, от этого остались лишь воспоминания. Особенно во Франции.» – Мадам Анджела хоть и была счастлива, что их приняли в столь замечательном месте, с трудом могла сдержать свое желание оценить дом не по достоинству. Да, прислуги тут было больше, чем у нее, а дом украшали картины истории классицизма и множество живых цветов. Мириться с тем, что ее солидное как ей казалось имущество меркнет по сравнению с роскошью, в которой она сейчас находилась было для нее тяжелым бременем.

Доес и Джон чувствовали себя не уютно поэтому по перемененно благодарили хозяина дома за гостеприимство. Он чаще хвалил еду и крепкий алкоголь, а Доес восхищалась изящностью интерьера, чем сильно раздражала свою мать. Не было сомнений, что каждый обед в этом доме будет длиться по меньшей мере несколько часов. Ведь как только мистер Эндрю расспросил как они доехали и не желают ли еще чего-нибудь из напитков он решил рассказать о се-

бе. Этот рассказ Френсис запомнила на долго, такого откровения за первые часы знакомства она не слышала никогда. Оказалось, что Эндриус почти всегда проживает не в городе, а в этом доме подальше от городской суеты. Все его близкие друзья выкупили ближайšie дома рядом с ним и потому выбираться от сюда он не решался тем более в такое нестабильное время. Его друзьями были люди моложе его, чем он гордился, ведь, по его словам, это означает молодость ума. Его любимой машиной был Роллс Ройс 1930года подаренный другом на его шестидесятипятилетие. Мистер Эндриу был когда-то женат на мисс Патриции, которая, по его мнению, была слишком болтлива и вообще он таких разговорчивых женщин никогда не любил и почему не развелся с ней в первый же год сам не знает. А когда его рассказ дошел до детей он упомянул, что потерял двух сыновей на войне, а дочь еще в пять лет заболела туберкулезом. Рассказ переходил от радостных событий к горестным потерям и снова возвращался к юмору. Легкость, с которой он говорил о когда-то тяжелых утратах вселяла надежду и на их счастливое будущее.

После ужина хозяин дома предложил проводить всех до своих комнат сам, не прибегая к помощи работников. Ему показалось, что этот жест создаст доверительные и теплые отношения, которые предстоит им налаживать в новых семейных реалиях. На минуту он задержался у двери мадам

Дюжаль и еще раз поблагодарил ее за приятное общение за ужином. А также удивил ее брошенной фразой «Вы очаровательно слушаете», после чего продолжил показывать ее новую комнату. Статная фигура, строгий пиджак и элегантная молчаливость заставили его еще раз вспомнить о когда-то любимой жене к которой он такого восхищения не испытывал. Каждый направился в свою комнату отдохнуть и перевести дух и только Жаклин решила остаться с братом еще ненадолго. Ее пугала мысль о том, как она будет жить под одной крышей с Анджелой де Дюжаль, что будет с ее домом во Франции, чем она будет полезна этому поместью и не доставляют ли они много хлопот. Так до глубокой ночи две мягкие фигуры говорили при тусклом свете о будущем и строили грандиозные планы, будто по их венам не текла старческая кровь.

Утро следующего дня началось с музыки. На завтрак дядюшка Эндрю поставил одну из любимых пластинок Лю Стоуна, из-за этого обстановка казалась даже слегка праздничной. Эту атмосферу поддерживал полный стол яств, превышающий все представления о хорошем завтраке. Френсис энергично пробовала все блюда, стоящие на столе так, будто до этого была голодной всю жизнь и дойдя до фруктового желе с нескрываемым удовольствием поела его большой ложкой. Это заметила мадам Дюжаль, но вероятно из-за усталости не стала делать замечание по поводу манер внуч-

ки, а лишь посмотрела на нее неодобрительно покачав головой. Доес и Джо сидели рядом и тихо о чем-то говорили между собой, почти не притронувшись к поданным им блюдам. Дядюшка Эндрю о чем-то задумавшись смотрел в сторону Анджелы де Дюжаль ипил чай в несвойственной ему спокойной манере. Но задав лишь один вопрос Френсис поняла, что дядюшка Эндрю лишь движениями выдавал свою усталость или озабоченность, а разговорчивость осталось при нем.

«Как вам спалось?» – начала разговор она, обратившись ко всем и в тоже время ни к кому пробуя на вкус пломбир, стоящий рядом.

«Ой. Ночь прошла замечательно. Правда я все беспокоился как вы спите, хватает ли всем одеял не холодно ли вам, не жарко ли. А так спал как младенец. Ах да! Еще снился сон про новый автомобиль, который хочу приобрести, мы ведь теперь часто будем посещать мероприятия вместе. Нужно выбрать что-то вместительнее. У вас есть особые предпочтения?» – Он сразу оживился, в глазах появился тот самый молодой задор, с которым вчера он больше часа рассказывал про свою жизнь. Френсис поняла, с дядюшкой легко подружиться, стоит только почаще задавать ему вопрос и его благословение на благополучную жизнь в Британии она получает.

«Вы так добры.» – кратко ответила мисс Дюжаль посмотрев на дочь с немим укором в глазах. Доес сразу заметила это и в второпях поддержала мать.

«Да, да, большое вам спасибо. Даже не стоит»

«Как это не стоит? Глупости! Приемы, светские вечера, праздники. Мы теперь ведь одна большая воссоединившаяся семья, разве не так? Так что обязательно пошлю людей присмотреть для нас автомобиль. К тому же мне нужно вас со всеми познакомить. Да и Френсис наверняка не захочет со стариками днями на пролет сидеть. Верно?» – Улыбнувшись резво продолжил дядюшка Эндрю. Френсис поддержала его кротким кивком и посмотрела на отца, который выглядел очень неважно наверняка из-за множества мыслей. Он сетовал на свою невозможность вступить в армию всю дорогу до Британии. Оставить пожилых женщин, жену и дочь было хуже, чем оставить родную страну. Хуже, но не легче и этот выбор, давшийся ему с трудом, сдавливал все его мысли, от чего за завтраком Джо был единственным кто предпочел выпить алкоголь.

Спустя неделю за столом беседы стали живее, новые гости перестали без конца благодарить их спасителя и освоившись начинали изредка прогуливаться по окрестностям. Территория усадьбы была внушительной из-за чего бабушка Жаклин и мадам Дюжаль пока не выходили за пределы их приютившего поместья. Доес же старалась вытянуть Джона в город как можно чаще, что очень его раздражало. Ехать до центра

города было около часа там жена просила его прогуляться до вечера, заходила с ним в рестораны, примеряла шикарные платья в попытках взбудорить его, а Джон все ждал наступления заката и возможности сесть на заднее сиденье автомобиля и уснуть по дороге. Френсис в городе за неделю так и не побывала, но ежедневно изучала соседей проходя по широкой дороге и встречая одну роскошную машину за другой. Невольно она сравнивала деревню с этим местом и здесь все было иначе. Дома разглядеть было тяжело из-за густо посаженных и идеально остриженных кусов служившими забором, на улицах не слышно было детей, только иногда доносились мелодии джаза. Обстановка здесь не отталкивала ее и при этом не манила, спокойствие ее ума нарушали лишь мысли о Сириле который наверняка ждет ее письма или сам пишет ей прямо сейчас, но совсем по другому адресу. Проходя мимо очередной изгороди, она надеялась за поворотом встретить его в белой рубашке, уставшего, с капельками пота на лбу, такого родного. И каждый раз она разочаровывалась, заглядывая за угол, никто ее там не ждал, только иногда на встречу шли девушки в шляпках и мужчины в темно синих клетчатых костюмах. Платье Френсис выглядело скромно, но молодые люди оборачивались, вслед ожидая в подарок улыбку юной незнакомки. А она не могла порадовать их ведь Френсис оставалось только надеяться, что ее письмо о переезде застанет его до того, как он сам сменит свой адрес.

Дорогой Френсис от Сирила.

Я надеюсь, ты дома с родителями и в безопасности. Когда я приехал в деревню продавать дом, то узнал, что твоя бабушка мисс Жаклин уехала в город. Наверное, к вам. Я принял решение остаться здесь ненадолго, пока все не утихнет. Буду тебе писать чаще, ты только отвечай. Пол деревни в ужасе пытаются успокоить себя, вторая половина уверена в нашей победе. Я намерен содействовать нашей армии если это будет необходимо, ты меня знаешь. Прошу тебя будь аккуратнее, для меня нет теплее оберега чем понимание того, что ты ждешь меня и что с тобой все хорошо. Пиши мне, только пиши.

Часть письма.

На подобных светских вечерах Фрэнсис была впервые множество незнакомых людей мужчины в строгих костюмах девушки в платьях, которые ей казались слишком вычурными для такого мероприятия все это навеивало на нее страх и тревогу она была не на своем месте и это чувствовалось. Дядюшка Эндрю назвал это мероприятие скромным светским вечером для знакомства с его друзьями в итоге большой зал для гостей насчитывал около 25 человек. Он брал Френсис за руку и подводил к каждой прибывшей семье представляя ни-

как не иначе как любимую внучатую племянницу и красавицу семьи, что как ей казалось было неуместным. На Френсис было новое платье, которое она, впервые выбравшись в город выбрала по наставлению отца. Джон сильно беспокоился за внешний вид дочери потому попросил ее выбрать лучшее из того, что она увидит и сколько бы это не стоило. Платье на Френсис действительно было дорогим, но не вычурным, а скорее элегантным. Широкий пояс бежевого цвета на темно зеленом приталенном платье и ее темные густые волосы по праву можно было назвать достойным сочетанием.

Мадам Дюжаль держалась высоких манер и, казалось, чувствовала себя как дома, ее стиль общения с незнакомыми людьми чтобы узнавать о них все и при этом о себе раскрыть лишь пару деталей, поражал. Жаклин же напротив сразу переходила к почти семейным тайнам и с яркой жестикуляцией рассказывала новым знакомым о том, как ее тошнило всю дорогу до Британии. Новые знакомства она любила так же, как и ее брат, а значит вечер протекал идеально для каждого. Джон и Дюес держались вместе, она следила за количеством выпитого в его бокале, а он вдруг со странной для себя ревностью наблюдал за тем, как жена знакомится с соседями. Френсис, казалось, была единственной кто не понимал, что делает дядюшка Эндрю показывая ее всем женихам, которых знал. А может уже догадывалась о его плане отдать ее замуж, но пока решила промолчать.

«Френсис просто чудно играет, я слышал, как она музицирует за фортепиано не раз за эти две недели. Но, она ни в какую не хочет играть для своего родного дедушки.» – Разыгрывая драму сказал Эндрю и сделал обиженное лицо, сразу показавшее его старческие морщины.

«Почему же так?» – спросила мисс Анна, наверное самая красивая девушка в этом зале. На вид ей было всего 18, но Френсис уже знала, что та помолвлена и свадьба состоится совсем скоро. Рядом с ней стоял ее жених, мистер Бернар, казалось он больше походил на отца чем жениха от чего Френсис стало не по себе.

«Действительно, может тогда сыграете для нас?» – произнес он и показал на стоявший почти в центре зала рояль.

Френсис сразу представила себе как играет и каждый смотрит на нее подмечая все огрехи, наверняка среди этих людей есть те, кто профессионально владеет инструментом подумала она. При своей невероятной любви к музыке на все просьбы отдать ее в музыкальное училище ей дали отказ. И не смотря на постоянные самостоятельные занятия дома, Френсис все же слишком переживала за свое умение передать эмоции музыкой.

«Конечно, но только чуть позже если разрешите. Мне срочно нужно поговорить с бабушкой Анджелой».

После этих слов Френсис лишь легонько кивнула головой в знак извинения и быстрым шагом ушла в сторону бабушки. Мадам Дюжаль, наговорившись решила держаться в стороне, ее строгий женский костюм с длинной юбкой и жакетом сильно отличался от женственных и легких по силуэту нарядов, из-за чего она сразу сделала для себя вывод, что общаться здесь ей будет не с кем. Френсис только пару минут смогла проговорить с бабушкой делая для других вид, что ведет важную беседу. На деле она лишь выслушивала критику о том, что ее платье не подходит для девушки, которая должна стремиться к замужеству. То, что Френсис о замужестве даже и не думала она говорить не стала и просто молча кивала в ответ. Музыка резко перестала играть от чего гости затихли и спустя пару секунду помещение окунулось в перекрёстную игру Роберта на том самом фортепиано, которое пугало Френсис. Все взгляды были прикованы к виртуозной игре.

Закончив играть и выслушав хвалебные высказывания в свой адрес, мистер Уилсон посмотрел на Френсис и объявляя произнес – «Наша новая знакомая мисс Френсис обещала нам сыграть пару композиций. Я предлагаю поддержать юную леди!». В ответ на аплодисменты ей пришлось сесть за фортепиано, глубоко вздохнуть и поначалу нехотя и слегка ускоряя верный темп начать исполнение. Спустя пол минуты Френсис уже не слышала звон бокалов, стук каблуков и шёпот гостей, обсуждающих ее игру, она закрыв глаза слилась

с мелодией и на одном дыхании закончила произведение.

Уже глубокой ночью сидя у окна Френсис осознала почему ей не было страшно. Она играла для Сирила, для того чьи письма уже не придут к ней, кому написать она больше не сможет, ведь прошло две недели, а ответ она так и не получила. Значит письмо дошло на старый адрес, а он все еще пишет ей в Париж ожидая ответ, который настигнет, но лишь спустя еще много лет. Если только им суждено встретиться случайно, если только она еще вернется во Францию.

В конце ужина она наблюдала за тем как мистер Уилсон подливает отцу виски и хвалит платье ее матери. Френсис была рада, что у семьи возможно появиться путь и слегка наглый, но все же друг. Она ведь не слышала, что большую часть беседы Уилсон расспрашивал о ней и приглашал семью на званый ужин в конце месяца. А родители, обеспокоенные отсутствием у дочери жениха поспешно дали обещание прийти всей семьей.

Мр. Уилсон несмотря на свой возраст в 39 лет был одиноким человеком, всю свою жизнь он положил на алтарь бизнеса чего никогда не стыдился. Отец передал ему приличное наследство, которое, к счастью, он смог не только сохранить, но и приумножить, купив швейные фабрики. Уилсон любил

не только работу, он также ценил дружбу из-за чего очень уважал дядюшку Эндрю, ведь они когда-то вместе служили. Эндрю тоже отзывался о младшем товарище как о благородном и смелом мужчине, который был одинок, по его мнению, только из-за своего пристрастия к бизнесу, что не оставляло свободного часа для любви. К своим годам он наконец понял как сильно нуждается в женкой заботе, потому все чаще стал посещать мероприятия и все меньше волновался оставляя рабочие вопросы на заместителей. Так, уже несколько дней он без сна страдал по приезжей парижанке, столь очаровательной, что она без труда поселилась в его голове, чего он позволить не мог. На третий день своих терзаний Уилсон завалил себя работой решивши проехаться по своим владениям и проконтролировать рабочие вопросы. С наступлением войны бутики стали закрываться, у простых людей не было денег на новые платья, а потому швейные фабрики в срочном порядке из модных единиц превратились в единицы военные. Плотное сотрудничество с государством обязывало следить за всем в разы бдительнее, поэтому проверять стоило довольно часто. И лишь смотря из окна кабинета он успевал поразмышлять над Френсис, над тем, как она прекрасно играла, над ее темными словно ночь волосами и над его дерзкой подставой с ее выступлением. Не злиться ли она на него? Вот что волновало его весь день. А самое главное, не занято ли у нее сердце.

Френсис сидела возле небольшого фонтана, в котором освежалась парочка голубей нежно почесывая друг другу перышки. Фонтан побольше в центре сада не вызывал у нее столь же приятные эмоции как это тихое место, здесь вода еле слышно журчала, давая легкую прохладу, а под большим дубом она пряталась от солнца, которое почему-то уже не радовало ее как в детстве. В деревне солнце было другое, жаркое, оно заставляло появляться веснушкам, а здесь все было иначе или по крайней мере так казалось.

Еле слышно подошла мать и села рядом держа в руках два бокала лимонада со льдом. Она протянула его Френсис и вздохнув начала разговор, которого они обе старались избегать уже несколько лет.

«Мы тебя с папой очень любим и беспокоимся. Постарайся здесь как можно чаще бывать на мероприятиях, вокруг нас очень культурные люди. Бабушка их точно одобрит.» – с ухмылкой сказала Доес и продолжила. «Видела мисс Анну, которая скоро выходит замуж? Она точно счастлива, у нее очень выгодная партия. То есть я хотела сказать, что Бернар благородный человек, ей не о чем беспокоится» – Доес явно говорила ерунду и начала разговор слишком напрямик, что поняла только в тот момент, когда замолчала. Но, как никак она считала, что права, ведь в 20 лет уже стоит выходить замуж иначе это уже неприлично. Тем более Френсис была изумительно похожа на свою мать в том же возрасте, а

значит красота точно на ее стороне.

«Я поняла тебя мама. Но все-таки я сама хочу решить, когда и за кого мне выходить замуж. Все это скоро закончится, и я как мечтала буду в Париже заниматься музыкой» – Френсис сделала явный акцент на музыке противопоставляя свадьбу настоящей и свободной жизни, которую желала получить, но в глубине души понимала, что это у нее не получится. Отец видел ее исключительно как жену богатого мужчины желая ей спокойного будущего. Мать видела дочь как продолжение себя, а себе она всегда желала хороший дом и платья, которые достойны высших похвал. Бабушки подавно пытались уговорить Френсис выйти замуж незамедлительно, в ее возрасте они уже имели детей, что и желали любимой внучке.

«Не говори глупости. Ты красивая и я надеюсь неглупая! Муж не заставит тебя бросить музыку, может даже подарит новое фортепьяно. Будешь играть для него и его друзей. Найди того, кто разделяет твою любовь, но найди. Смотреть не могу как молодая девушка днями читает книжки с романами и проводит часы за изучением Шопена вместо того, чтобы писать свой роман в реальной жизни» – она была горда своей формулировкой и потому решила встать и театрально уйти, громко стучая каблуками о брусчатку. На этом их разговор был закрыт.

«Нет на сей раз я вам не сдамся» – ели слышно ответила Френсис вслед уходящей матери. Надежда не выйти за-

муж хоть и была мизерная, но все-таки летала в воздухе, и она собиралась поймать ее. Поэтому, когда Джон и Доес оделись в лучшие наряды для званого ужина с мистером Уилсоном, Френсис выбрала самое простое платье которое у нее имелось в чемодане и на отрез отказалась от предложения дядюшки Эндрю немедленно приобрести новое для такого случая. Мадам Дюжаль оглядела Френсис с ног до головы и вопросительно посмотрев на нахальную внучку решила не тратить свое время на споры и удалилась. Бабушка Жаклин свойственно своему характеру уговаривала внучку около часа и совсем устав поцеловала ее в лоб пожелав удачи. Джон ехал в машине очень недовольный поведением дочери, а потому дал себе обещание ни в коем случае не пить сегодня за ужином чтобы по приходу домой не организовать настоящий скандал. Доес же понимала, что если ее дочь собирается всегда одеваться не по случаю, то ее лишь окрестят странной. А на мужчин будет иметь впечатление вовсе не платье, а характер Френсис и красивое лицо, что скромным нарядом скрыть невозможно.

1941

Спустя год проживания семьи Дюжаль в Британии их быт окончательно устоялся, уровень неловкости снизился практически до нуля и каждый занял свое место в этом поместье.

Анджела де Дюжаль, которая по началу была очень холодной вдруг раскрылась с другой стороны и пару раз в неделю

засиживалась с дядюшкой Эндрю после обеда. Как правило они обсуждали книги и музыку, он уважал в ней умение слушать, а она проявляла так свое признание за помощь.

Доес и Жаклин бывали на всех возможных званых вечерах, театральных постановках благотворительных ужинов. Жизнерадостность, любовь к сплетням, а иногда и простодушие объединили их как нельзя лучше. Своей легкостью они собирали во круг себя многих женщин организовав что-то в виде женского клуба по интересам, где они якобы шили платья, а на самом деле обсуждали новости их маленького мира попутно листая журналы.

Джон перестал интересоваться все еще очевидно красивой женой, работа, которую он здесь нашел для себя в качестве журналиста ему приелась почти сразу и единственное что его спасало сейчас это легкое чувство туманности в голове после выпитого бокала виски. В его мыслях плотно как никогда засела идея выдать дочь удачно замуж, ведь именно в этом, как казалось, заключалось все плохое что происходило у него в жизни.

Молодая британка с светлыми выющимися волосами спешила к подругам на бранч, чтобы скорее рассказать шокирующую новость, которую она узнала. По правде сказать, не узнала, а подслушала, когда ее муж разговаривал со своим старым другом. Подслушивать было, конечно, скверно, но

теперь девушка шла очень счастливая, ибо ее новость просто покорит сегодняшней вечер, а ее еще лучше запомнят новые подруги ведь именно она сделает этот день таким интересным.

«Гвинет, как твоя идея с платьем. Ты выбрала материал подола? Нам нужно торопиться, скоро будет благотворительный вечер, я хочу, чтобы все вы блистали» – Жаклин относилась к новым подругам скорее как к своим дочерям или внучкам и дело даже не в возрасте, она так вела себя даже со сверстницами.

«Нет, не придумала. Но, девочки у меня есть такая новость, что вы будете просто в шоке.» – отложив ткани в сторону сказала миссис Гвинет и увидев на лицах заинтересованность решила не дожидаться расспросов.

«Помните ту новую жену мистера Бернара. Я вам рассказывала, как сильно меня раздражала эта девчонка. Ее муж дружит с моим Карлом и, к сожалению, они часто заглядывали к нам в гости. Она еще так вырядилась будто не в гости идет, а коров доить! Мне кажется это таким неуважением, просто стыдно вспомнить»

«Давай ближе к сути» – резко перебила ее самая заинтересованная.

Гвинет слегка опешила, посмотрела на перебившую

взглядом слегка стервозным и холодным голосом сказала краткую фразу от которой все разом театрально охнули взявшись за сердце. – «Эта мисс ушла от мужа вчера вечером. Одна, без гроша в кармане.»

Последующий разговор описать было сложно, кто-то старался расспросить подробности ухода, кому-то было очень любопытна реакция ее мужа, а другие просто слушали и учились как поступать уж точно не стоит. Жаклин сильно переживала за девушку, что могло случиться такого чтобы на ночь глядя уходить из дома любимого человека? Доес же беспокойло другое, как эта девушка додумалась уйти с пустыми руками. Ведь судя по рассказу Гвинет теперь уже бывший муж этой глупой особы был очень состоятельным.

До Френсис эта небольшая сплетня донеслась через бабушку и мать которым непременно надо было поделиться новостью. В момент, когда Френсис и без того грустила сидя у окна попивая совершенно не вкусный чай. Сначала девушка не приняла близко к сердцу историю Анны и Бернара, но спустя время ей придет идея которая привернёт ее жизнь.

В этот день все мысли девушки были о Сириле, ничего о нем, не зная и безумно переживая последние дни она думала как попасть во Францию скорее, отыскать его и наконец расспросить как он пережил войну и что собирается делать дальше. Конечно, она желала услышать ответ – «Все со мной

было хорошо, в газетах нагло врут! По улицам ходить совсем не страшно, все друзья живы и здоровы. Я ждал тебя, теперь можем съездить отдохнуть куда ни будь вместе. Да хотя бы в нашу старую деревню». К сожалению, об этом думать было слишком рано, обстановка во круг не обнадеживала и рубила все надежды на корню. «Главное, чтобы он вообще меня не забыл» прибавила к своим мыслям опасное предположение Френсис и даже внутренне замолчала, все ее нутро сжалось и казалось по спине пробежал холодок. Если Сирил лежит сейчас в сырой земле холодный и бездыханный, это страшное зрелище лишь напугало бы ее. Но, если он даже не вспомнит о ней, если не ищет ее прямо сейчас, если в его голове она не живет так часто как он живет в ней, вот что действительно сделает ей больно. По-настоящему расслабиться и поразмышлять на тему своей возможной участи ей не дала мать. Любой, хотя бы маленький разговор о мужчинах, свадьбах и деньгах напоминал ей о том, что ее дочь так и не вышла замуж и в 21 год это уже нельзя оставлять на самотек.

«Когда мы все праздновали день рождения мистера Вейта. Мы с твоим отцом провели время в компании его сына. Я намеренна вас познакомить поближе. Да, вы здоровались как-то, но ты была не в духе. А этот молодой человек крайне интересный, я бы даже сказала настоящий мужчина, что видно не только потому, что он носит брюки» – Мать говорила это уже без какой-либо надежды, ее главная задача была просто донести информацию и не поругаться с дочерью.

Если Френсис откажется, то на этот случай с ней серьёзно поговорит бабушка Анджела, тем более последнее время она чувствует себя плохо и отказывать ей стало еще сложнее.

Только Френсис собиралась ответить весьма резко и встать с кресла в голову ей пришла опасная, но как тогда ей показалось почти гениальная идея по возвращению домой. Она резко переменялась в лице, выпрямила спину так как всегда делала это в детстве, когда наконец могла всех победить и, к удивлению матери, ответила своим полным согласием пригласить этого мужчину на свое день рожденья обещая уделить ему свое время.

«А вдруг он мне не понравится мама? Хотя мне уже совсем скоро 22года и не мне выбирать, но все-таки мне нужно как-то организовать встречу со всеми, кого вы мне с бабушкой советовали. Вот было бы здорово!» Сказала Френсис эмоционально, прекрасно понимая, что сейчас ей ответит мама, потому что сама подвила ее к этой идее.

«Так мы можем устроить настоящий большой праздник в честь твоего дня рожденья. Дядюшка Эндрю я уверена будет только за нашу идею. Мы пригласим всех наших новых друзей, познакомим тебя, и я наконец перестану так волноваться.» – Доес, казалось, даже слегка подпрыгнула от невероятности этой идеи и поцеловав дочь в лоб скорее побежала рассказывать свои новые планы свекрови. Если залезть

в душу Доес достаточно глубоко чтобы понять ее истинные мотивы, то скорее всего вы не увидите ничего доброго или напротив злого. Замуж свою дочь она хотела выдать лишь по одной причине, это лишило бы ее тревог за деньги семьи. К тому же Джон пристрастившийся к крепкому алкоголю все реже стал писать статьи и все чаще говорил о призрачной мечте стать писателем. Каждый в доме был рад поддержать его начинания, но все его попытки написать хоть страницу заканчивались тем, что он засыпал пьяный за креслом едва притронувшись к печатной машинке. Вся ситуация в доме сильно омрачалось плохим здоровьем бабушки Анджелы, которая все реже стала выходить из комнаты и все чаще не спускаться на завтрак из-за сильной боли где-то в районе живота. Несмотря на ее статность и безупречность, всего за 3 последних недели она сильно похудела, осунулась и будто еще сильнее постарела. В доме теперь постоянно дежурила медсестра и раз в неделю заходил врач, прощупывая живот и делая неутешительные прогнозы. Мадам Дюжаль посоветовали использовать химия-терапию от чего она отказалась и от операции тоже, сильные боли не давали ей покоя, но целые дни в больнице казалось ей куда большим адом. Дядюшка Эндрю сильно переживал, но не показывал виду и потому много и долго болтал с мадам Дюжаль о чем угодно кроме здоровья, стараясь чаще собрать всех за одним столом. Поэтому новость о том, что Френсис захотела отметить свой праздник роскошно порадовала всех. Новый повод со-

браться вместе, одеться красивее и наконец выдать Френсис замуж объединила всех и в доме на 2 следующие недели воцарилась та самая гармония, которая присутствовала еще до болезни.

Было решено позвать как минимум 40 человек, 10 из которых были мужчинами, которых Доес и Жаклин выбирали самостоятельно по всевозможным критериям. Никто из них не состоял ранее в браке, каждый имел приличное состояние способное обеспечить и Френсис и всю их семью, о каждом мужчине говорили лестные слова не только его родители, но и малознакомые люди, что безусловно важно. Возраст же значения не имел, по крайней мере так мыслили все кроме Френсис которая слегка боялась иметь дело с мужчинами возраста своего отца. Жаклин любившая шить и не бросившая это даже после того, как ее зрение упало придумала несколько эскизов платьев для себя и Доес. Френсис же выбрала себе наряд самостоятельно, редко выезжая в город она все же заметила довольно большой магазин женских платьев, который работал несмотря на тяжелые времена. Магазином владел один из приглашенных мужчин, на которого Доес любящая модные новинки возлагала большие надежды. Как-то покупая там шляпку, она увидела мистера Уилсона и здорово разговорившись припомнила ему замечательную игру на фортепиано. К счастью, еще и Френсис решила не

шить себе праздничный, а приобрести что-то там. А это давало новый пусть и маленький, но повод свести их.

Френсис не была любительницей снимать с себя мерки, потому что каждый раз, когда бабушка обхватывала ее талию, то непременно говорила о том, как та исхудала. После чего каждый прием пищи сопровождался уговором съесть побольше, а также беспокойством за здоровье будущих правнуков. Но, Френсис и думать не могла о том, чтобы по-настоящему попытаться влюбиться на празднике, в ее мыслях поселилась и не давала покоя идея побега пусть и та, ради которой придется остаться здесь на подольше. Мерить множество нарядов ей не хотелось и по наитию Френсис указала рукой лишь на 3 варианта которые на манекене показались ей максимально привлекающими внимание. Так из бутика Френсис вышла с большим пакетом, в котором лежало прилаженное платье алого цвета и бежевая шляпа в тон ее новых туфель. Френсис ехала домой надеясь, что через 3 дня она наконец сможет воспользоваться той красотой которой ее наделила природа. Если план сработает, то сразу после войны свободная и ставшая богатой благодаря мужчинам Френсис вернется домой. А за рулем ее автомобиля будет сидеть не шофер дядюшки, не новый мужчина средних лет, а Сирил.

Мадам Дюжаль стало значительно хуже за два дня до праздника. На обеде все заметили ее вдруг сильно пожелтевшую кожу, медсестра уговаривала ее поехать в больницу, но она наотрез отказалась. За стол ее под руку привели две домработницы под надзором врача, которого вызвал обеспокоенный дядюшка Эндрю. Немного обсудив состояние, больной с ее семьей, врач, находящийся здесь как он уже предполагал последний раз осмотрел большой зал усталым взглядом и удалился. В гостиной воцарилась тишина, обсуждать разговор никто не решился, и только Джон громко выдохнул и подошел к виски. Спустя 3 часа после этого Френсис и Доес уже сидели у кровати мадам Дюжаль стараясь хотя бы своим присутствием уменьшить боль. У бабушки Анджелы сильно впала челюсть, кожа стала совсем тонкой, и она висела на практически высушенном теле. Больше всего пугал нос, настолько острый что, казалось, он может сломаться если слегка прикоснуться к его спинке. Френсис думала это будет проще, она была уверена, что держать руку бабушки она будет в силах в любой ситуации, но сейчас она замерла вдавилась в стул и почти не дышала, прислушиваясь к тому, как хрипит тело. Спустя мучительных 6 часов молчания и тишины в доме старшая из семейства Дюжаль лежала покрытая белой простыней, из-под которой выглядывала почти нереальная, будто кукольная желтая рука.

Врачи приехали записать время и причину смерти, положить бабушку на носилки и вынести за дверь делая вид или правда веря, что происходящее является чем-то обычным. Френсис поражало лишь одно, как быстро люди стали обращаться к ее бабушке не «Мадам Анджелла де Дюжаль», а использовать за место этого емкое и констатирующее слово «труп».

Трагическая новость разлетелась быстро и было принято решение организовать похороны в этот четверг, а праздник перенести как минимум на две недели. Потому, что даже при всей жизнерадостности дядюшки Эндрю, разговорчивости Жаклин и простодушию Доес, эту потерю легко перенес только Джон. Наблюдая как увозят уже труп свекрови и заливая в себя очередную стопку коньяка он вдруг резко протрезвел и понял, чего боится на самом деле. И если алкоголь помогает ему не чувствовать себя с каждым днем на шаг ближе к земле, значит он будет пить и останавливаться даже ради своей книги Джон не решился.

В четверг на похороны собралось около 30 человек, не многие знали ее, но каждый кто смог посчитал своим долгом явиться хотя бы в рамках приличия, ведь на празднование явились бы все. Стояла жара, полуденное солнце разо-

гревало асфальт и над ним дрожал воздух из-за чего пожилые люди, одетые в черное с трудом, стояли на ногах размахивая веерами так будто могли физически отогнать от себя обморок. 6 мужчин из списка составленным Жаклин и Доес пришли несмотря на сильную загруженность на работе, что явно говорило о их намереньях стать частью этой семьи. Было во Френсис что-то такое из-за чего мужчины приходили даже на похороны незнакомой им женщины чтобы лишний раз поговорить с ней и подарить свое внимание. Френсис проплакавшая всю ночь от горести даже позабыла, что несмотря на столь грустное событие у нее день рождение и потому была сильно удивлена, когда пожилые дамы, подходя к ней выразить свое сожаление добавляли еще и пару слов к тому какой красавицей она выросла к своим годам. Так, в конце церемонии букетов в машине, на которой приехала Френсис было чуть ли не больше чем на могиле, а потому она вспомнила о своем плане и утерев слезы подошла к матери, чтобы спросить о гостях подробнее. Доес почти не плакала, она была поражена происходящим и находилась в состоянии аффекта весь день, на нее также влияла сильная духота. Вопрос дочери о женихах она восприняла спокойно и кратко, что непривычно для нее рассказала о том, кто и кем работает и посоветовала познакомиться с бывшим военным, а ныне владельцем модного дома и швейными фабриками. Прошло всего 10 минут после того, как гости пожелав остальным членам семьи здоровья быстро расселись по автомобилям и

уехали по делам, а Френсис уже сидела на небольшой лавочке в окружении 4х мужчин. О чем-то говорила она дрожащим голосом и с легкой грустью в глазах смотрела с низу в верх то на одного, то на другого мужчину. Все это выглядело пусть и не слишком уместно, но отца подействовало иначе. Джон изрядно пьяный смотрел со стороны на свою дочь и подойдя к жене слегка толкнув сказал: «Ты посмотри на нее, видно правда хочет выскочить замуж. Глазки строит будто пол часа назад ее бабушку в гроб не клали». С каких-то пор остроумным ему казалось все подряд и потому он совсем не понял резкости своей жены.

«Не пойти бы тебе куда подальше, Джон». Вспылила До-ес и торопливым шагом направилась к машине, которую, к ее счастью, вел не муж, а водитель иначе бы ей пришлось садиться за руль, чего она терпеть не могла. Жаклин и Эн-дрию уже уехали домой, из-за сильной жары у Жаклин разболелась голова и они умчались, как только приглашенные разошлись. Джон подходя к машине посмотрел на дочь вопросительным взглядом и поймал ее легкий кивок означающий, что до дома она доберется сама.

«Не беспокойтесь Джон я доведу Френсис» Крикнул мужчина стоявший слева от нее. Уилсон уже общался с Джоном на первом ужине, а потому доверить свою дочь было довольно легко. Узнав какое огромное состояние у этого бывшего

военного Френсис незамедлительно положила взгляд на него и попросила довести до дома как только она придет в себя.

Только для приличия Френсис надела черное платье, была бы ее воля на ней бы уже красовалась алая новинка, к тому же именно сейчас происходит первая встреча с будущими жертвами ее плана, а значит она должна быть безупречна. К ее приятному удивлению, подслушав разговор на похоронах женщины старше обсуждали ее короткое платье с осуждением, а также были шокированы тем, что внучка явилась на похороны к бабушке с распущенными волосами, пусть и в такой красивой шляпке. Френсис не была расстроена и на против скорее радовалась, ведь осуждение – это самая большая лесть, которую можно получить за свой наряд и внешность, что подтверждалось явным вниманием мужчин, которые не смотря на события облепили ее, как только она села в стороне. Вести беседу было тяжело и в течении 15 минут всего разговора она лишь выслушивала поддержку и соглашалась на все приглашения в гости. Не забыв особенными, слова отблагодарить мистера Уилсона за его приглашение посетить его модный бутик и получить скромный подарок если у нее будет время на примерку.

Уже сидя в его автомобиле Френсис, поинтересовалась почему бывший военный теперь имеет несколько бутиков и пару больших швейных фабрик.

«Все это швейное дело совсем не для меня. Я военный и всегда им буду. Но бизнес моего отца должен жить несмотря на его кончину. Управление не оказалось сложным для меня, строгость и порядок вот, что помогает во все времена, чем бы вы не занимались» – Уилсон разговаривал командным голосом и как бы Френсис не пыталась привыкнуть для нее это казалось почти криком. Его ровная осанка, стать и запал в глазах внушали доверие, но не больше. Вероятно, он был бы хорошим отцом подумала про себя Френсис, рассматривая его строгое уже не молодое лицо.

«О чем задумались? Не печальтесь дорогая у вас вся жизнь впереди! Уверен ваша бабушка желала бы вам счастья». Его тон сильно насторожил ее, так с ней когда-то разговаривал шофер матери, а после переезда в Британию с такой заботой к ней стал относиться дядюшка Эндрю. А это ей допустить было нельзя.

«С вами мне точно не будет грустно, я была рада зайти в ваш бутик на этой неделе. Я взяла там платье для моего дня рождения, но, к несчастью, из-за трагедии выгулять такое чудо не получилось. Сразу видно, что все слаженно и чисто, вы просто идеально ведете дела.» – Френсис слегка улыбнулась и наигранно засмущавшись повернулась к окну. До поместья оставалось совсем немного.

«Чего же вы сразу не сказали, что были там. Как только я освобожусь от дел, то сразу узнаю размер платья, которое вы взяли у нас и вышлю вам подарок, не стоит такой леди ездить так далеко за скромным подарком. А платье вы можете надеть на ужин. Я приглашаю вас провести вечер в ресторане «Высота» это один из немногих работающих сейчас заведений. Вы можете передать мое приглашение также и своим родителям. Мой помощник позвонит вам и уточнит удобное время для вас, к сожалению, у меня большая загруженность. Но я с удовольствием изменю свое расписание если вы согласитесь» – Мужчина заговорил вдруг не так спокойно, как раньше и казалось, что несмотря на свой возраст и военную службу он впервые заволновался по-настоящему. Френсис дала свое согласие, и чтобы не выглядеть слишком легкомысленной или недостаточно скорбящей добавила, что сможет пойти, как только перенесет горе утраты. По ее меркам это горе обязано было ее покинуть через неделю, а пока она собиралась узнать о новом знакомом как можно больше расспрашивая бабушку и мать. А эти две женщины знали все о холостых и зарекомендовавших себя мужчинах.

Зима 1944 года.

Френсис не так давно исполнилось 25 лет и она сильно изменилась со времен своего подросткового возраста. Волосы бывшие когда-то просто темные стали совсем черными и слегка выпрямились под своей тяжестью. Загорелая кожа из-

менила оттенок на слегка бледный из-за того, как мало времени теперь она проводила на солнце. Половину своих вечеров Френсис была у гостей, сидела в ресторане или в поместье, где вела беседы с теми, кто не мог оторвать от нее взгляда. С возрастом она все больше напоминала свою мать, которая из-за ссор с мужем наоборот увядала на глазах превращаясь из женщины в старуху. Бабушка Жаклин все чаще сидела в саду, она также совсем перестала шить и все чем она занималась последний год было чтением книг. Их женский клубом занималась Доез которая несмотря на неприятные разговоры о своей дочери пыталась держаться там за свое место, потому что только это отвлекало ее от Джона. Отец Френсис безбожно спивался, теперь уже не стараясь скрыть свое пристрастие к алкоголю он с уважением относился только к Эндрю, на деньги которого жила вся семья, исключая только Френсис. В свою очередь хозяин дома закрывал глаза на его поведение и находил простые радости в разговорах за завтраком, когда вся уже нелюбящая семья собиралась вместе. За одной такой трапезой сильно напившийся уже с самого утра Джон посмотрел на Френсис и с пренебрежением шмыгнув носом, что его дочь тут же заметила.

«Что-то случилось папа?» – нескрывая злость спросила она и нервно положила себе чуть больше салата чем планировала.

«Да нет, что ты. Может расскажешь куда ты разоделась на

этот раз?»

«К мистеру Гилту, он пригласил меня прогуляться по саду. А что?» – почти сквозь зубы ответила Френсис, ожидая, что разговор закончится прямо сейчас кратким молчанием и все начнут обсуждать новости или сплетни, но отец решил иначе. Громко, поставив стакан и поднявшись над столом Джон с надрывом крикнул «А то, что ты ведешь себя как не весь пойми кто! Мне стыдно за тебя.». Все замолчали и отложили приборы в сторону, тишину прервала Жаклин попытавшись вразумить сына, но тот увидев застывшее лицо дочери еще больше вспылал.

«Выряжаешься тут как дива, ходишь на свидания. Болтаешь с мужчинами вдвое тебя старше и что? Замуж тебя не берет никто. Может расскажешь почему?» – Джон сел за стол и сразу понял, что явно переборщил с высказываниями, потому что заметил осуждающий взгляд не только жены и матери, но и Эндрю, который как ему казалось тоже был не в восторге от того, что Френсис все еще не замужем.

«Я им сама отказываю, меня звали замуж трижды за последние два года и к твоему сведенью эти мужчины в сотню раз благороднее тебя» – последние слова она сказала, указав взглядом на бокал, который теперь еще крепче в кулаке сжимал Джон.

Эндрю и Жаклин, находившиеся в шоке от происходящего, переглядывались друг с другом. Доес уставшая от скандалов мужа в спальне почти не была удивлена тому, что они переросли в крики за столом. Ее муж всегда был вспыльчивым человеком умеющим говорить правду, а со временем это как ей тогда казалось приятная черта переросла в истеричность.

Пожав плечами и повернувшись к дочери, она спросила так, будто все происходящее во круг всем почудилось – «Почему ты не ответила своим согласием?». Мать, которая уже не надеялась, что дочь выйдет замуж перестала задаваться вопросами уже давно и смотрела на все со стороны почти безучастно. Френсис была красивой, но довольно своенравной из-за чего всегда казалось, что определенные проблемы будут, но надежда пропала после того, как она прервала общение с мистером Уилсоном. Этот человек как ей казалось души не чаял в ее дочери и не раз присылал весьма щедрые подарки, а на Френсис после каждого ужина красовалось новое кольцо или блестели брильянты в ушах. Доес узнала о их расставании через сплетни в женском клубе, девушки при ней говорили о Френсис аккуратно, а за спиной считали ее дочь полной дурой которая не смогла удержать такого мужчину. «У нас разные взгляды на жизнь мама, я обязательно найду кого-нибудь ближе мне по натуре. Мне жаль, что я не оправдала твоих надежд» – эти слова сказали о ситуации все. Уставшая мать больше не желала лезть в личную жизнь дочери и несмотря на то, как ее это гложило старалась не го-

ворить с Френсис до последнего. И вот за столом она узнает, что каждый мужчина, с которым она видела дочь делал предложение руки и сердца, а та в свою очередь позорила семью своим отказом.

«Нет, я устала врать что найду кого-то! Я уже сотни раз говорила, что замуж я не выйду. И я даже не думаю говорить вам об этом еще раз.» – Она слишком напомнила свою бабушку тем, как быстро и грациозно удалилась из обеденной оставив всех наедине со своими мыслями.

Этот день должен быть прекрасен, еще одна спокойная прогулка в компании немолодого, но влюбчивого мужчины должна скрасить ее холодные будни. Но ничего так не грело сердце Френсис как мысли о Франции. Она наконец будет иметь свой дом, пусть и не слишком большой, но все же ее. Придется расстаться со всеми украшениями, которые в надежде на согласие вручили ей мужчины, но это лишь часть ее плана приводящий к настоящей свободе. На другом континенте ее ждал Сирил. Парень, который наверняка сильно изменился, но не погиб и ждет ее, вспоминая об ушедшем лете 1937года. Может он также как и она смотрит сейчас в окно и идет на риск, идет против правил, лишь бы приблизить их воссоединение. Об этом уже несколько лет рассуждала Френсис, надевая на себя лучшее из того, что у нее было

в Британии. Нанося дорогой парфюм, расчесывая длинные волосы она вновь готовилась притворяться что влюблена.

Мистер Гилт сидел в своей машине в низу собираясь делать вид, будто не стремится купить любовь новым колье, которое стоило чуть дешевле его часов. Он был уже слышан о ее отказах и становиться следующим брошенным мужчиной не желал. Но, Френсис своей молодостью, откровенными платьями и нежностью будоражила в нем чувства которые велели ему расстаться с цифрами на счетах и еще раз взамен прикоснуться губами к ее шее. Следующий подарок будет дороже и за кольцо ценой чуть меньше автомобиля мистера Гилта, Френсис будет благодарить его разговорами до утра. Разрешит опустить лямку ее платья и коснуться шеи, поднять юбку выше колена слегка оголив бледное бедро и жарко поцеловать. На большее она пойти не сможет, а слухи которые распространились спустя неделю были куда смелее.

Последние пол года в Британии были невыносимы. Френсис стала главной героиней всех слухов и самой обсуждаемой персоной среди значимых людей, а это значит, что со временем и обслуга стала относиться к ней совсем иначе. Из молодой девушки, играющей на фортепиано, она превратилась в красивую, но уставшую леди с идеальным внешним видом и слегка проступающими синяками под глазами. Френсис не

могла спать, ее мучали кошмары, в которых ее сжигают на костре забирая все с трудом добытые ценные вещи пока она беспомощно наблюдала. Просыпаясь по среди ночи от собственного крика «Не трогайте, это мое» Френсис лезла рукой под подушку и обнаруживая там свои подарки спокойно засыпала.

Отец пил не просыхая, постарев на 10 лет за последние месяцы он по-настоящему разбогател, когда в пьяном бреду пока Френсис гуляла стащил из ее шкатулки сережки. Дома был настоящий скандал, уволили двух слуг и только после их увольнения Джон рассмеявшись вытащил из кармана серьгу и положил ее на стол. Спустя неделю Доес услышала шепот мужа и прислуги, та вручала ему бутылку виски и прижимаясь благодарила его за увольнение двух ненавистных ей гувернанток . В тот момент их брак развалился морально, а на бумагах это произойдет в 1953 когда у Джона случится инсульт.

Август 1944

Франция наконец обрела свободу, о чем Френсис узнала из газет. В конце концов время пришло и можно было вернуться домой налаживать свою жизнь, не слушая хоть и красиво одетых, но все-таки слишком лезущих не в свое дело Британцев. Семейю ей удалось поймать лишь поздно вечером,

когда все собрались у камина послушать очередные истории дядюшки Эндрю. Джон почти спал, сжимая в руках виски будто ребенок, ухватившийся за руку матери. Доес устало смотрела на камин сидя рядом со свекровью, которая в свою очередь внимательно слушала брата. Дядюшка Эндрю, которому всегда есть что сказать объяснял, как именно ему удастся быть таким бодрым и веселым в свои года и пусть никто и не спрашивал его об этом, но как-то же нужно заполнять тишину, царившую в доме почти постоянно.

Френсис вбежала в гостиную на высоких каблуках в почти вызывающем платье. Жестом она попросила внимания и на удивление всех радостно произнесла: «Мы можем уезжать от сюда!». Но увидев за место радости на лицах семьи лишь недоумение Френсис второпях продолжила. «Я прочла сегодня газету, мы можем вернуться домой. Франция победила! Мы победили, слышите?». Казалось, что от восторга ее сейчас разорвет и в жестах можно было узнать ту юную девушку, которая впервые переступила порог этого дома.

«Мы знаем дорогая» – Мать отчего-то произнесла это так спокойно и без энтузиазма, что на душе стало холодно и страшно.

«Френсис, нам не нужно никуда ехать. Дядюшка Эндрю

любезно предоставит нам дом недалеко от его поместья. Да, чуть скромнее чем этот, но мы встанем на ноги спустя какое-то время. Понимаешь мы..»

«Какого черта!» – громко перебила ошеломленная девушка подходя поближе. Она стояла теперь совсем как покойная бабушка, строго смотря на всех с ровной спиной она ожидала ответа как вдруг почувствовала, как кто-то ухватил ее за руку.

«Я тебе говорю сядь!» – Отец резко потянул ее на небольшой диван. Слегка приподнявшись что бы ухватиться за ее руку он освободил место для Френсис и та больно приземлилась рядом. От Джона резко пахло перегаром, глаза были красными, а диван мокрый от пролитого алкоголя.

«Ты меня уже изрядно достала.» – с этими словами он дал пощёчину ошеломленной дочери из-за чего она повалилась на пол и вскрикнула от боли.

Жаклин с Доес подскочили что бы помочь, но тут же были остановлены криком Джо. «Только подойдите. Пусть убирается в свою комнату».

Эндрю, схватившись за сердце искал в карманах таблетки. Комната, наполняемая до этого скукой и теплым светом от камина стала вдруг давить, а сердце неистово стучало в груди не давая сделать глоток воздуха. Этим вечером с трудом уснули все и только Джо оставшийся лежать в гостиной спо-

койно видел сны о войне, где он был героем. Вероятно, это была последняя капля для девушки и в второпях всю ночь собирая чемодан Френсис плакала. И даже план, который вот-вот ей удастся закончить она ненавидела, ведь отец думал о ней так-же как и все девушки носящие красивые платья и сплетни.

На следующее утро Френсис уже сидела в недорогом заведении ожидая водителя, который отвезет ее до другого города. Спустя день она уже будет в Дувре, а оттуда Френсис будет качаться по волнам 4 часа до берегов Франции. Мысли об этом долгом путешествии заставляли ее морщиться, слишком уж долго она ждала возвращения домой и ждать еще два дня казалось мучительным испытанием. Попивая слишком горячий кофе для такого солнечного дня, она смотрела в даль и думала о том, как пройдет ее поездка и не случится ли чего нехорошего по дороге. Шофер дяди Эндрю, который довез ее до места и помог с багажом еще рано утром позвонил к знакомому, который за неплохую оплату обещал выдвинуться в путь в этот же день после обеда. Спустя пару минут Френсис выпрямилась, помахала рукой молодому мужчине и указав на чемодан встала из-за столика. Как только молодой человек подошел поздороваться и взять в руки багаж стало очевидно, что это совсем не приятель, а сын шофера. Похожий на своего отца как вторая капля воды моло-

дой человек открыл Френсис дверь автомобиля и делая вид, что чемодан вовсе и не тяжелый положил единственное что было у девушки в багаж. Поездка прошла в тишине, за окном менялись виды города, от центра, где бурлила жизнь они быстро добрались до окраины и совсем пустых полей. Музыка в машине заиграла тише, машина набрала скорость и по просторной дороге рассекая пыль ехала в даль. Френсис засыпала на заднем сиденье представляя, как сыграет ему на фортепьяно, как они вместе пойдут на речку, как она бойко изменит их жизнь, как только пересечет порог его дома.

Три дня спустя

Френсис надевшая свое лучшее платье не могла решиться постучать в дверь. Вот он, момент которого они так долго ждали, что ему сказать, стоит ли вообще что-то говорить или как в книгах просто молча обнять. Сирил наверняка совсем изменился внешне думала девушка, постукивая каблуком.

«А что, если я ему не понравлюсь?» – предательски спросила она у себя. И чтобы больше не терзать себя, чтобы больше не думать, не стоять здесь замерзая от продувающего ветра она быстро постучала в дверь. Следующие события Френсис помнит, как в бреду.

Дверь ей открыл Сирил, совсем такой же как почти 8 лет назад. Взъерошенные светлые волосы, цвета чистого неба

глаза и широкие плечи, покрытые белой рубашкой.

«Френсис?» – прошептав спросил он и не успев что-то сказать был застигнут врасплох ее объятьями.

Девушка сильно прижалась к его груди обнимая с каждой секундой все крепче, а слезы казалось не переставали литься из глаз.

Сирил стоял ошарашенный, он все еще смотрел вперед перегруженный тысячами мыслей. Его руки беспомощно упали в низ и оставили без внимания плачущую от радости Френсис.

«Дорогой, кто там?» – послышался отдаленный голос видимо из кухни.

Френсис с трудом отпустила Сирила и вытерев слезы испуганно замерла словно кошка надеясь, что ей показалось.

«Заходи к нам.» – проговорил он и взяв заруку завел Френсис в небольшой зал скромно украшенный к какому-то торжеству.

«Полин, к нам зашла моя старая подруга. Мы когда-то жили неподалеку, я вас познакомлю.» – крикнул Сирил жене, которая уже заканчивала мыть посуду. Через минуту в комнату зашла девушка немого уставшего вида и представилась.

Френсис пожала руку все еще находясь по середине комнаты будто не живая.

«Добрый день, я Полин. Это про вас мне рассказывал Сирил, вы были друзьями детства в деревне?» – у девушки была невероятно живая мимика, казалось она безумно рада видеть старую подругу мужа.

«Да, да, это я. Меня зовут Френсис.» – тихо проговорила девушка выглядевшая слишком богато для места в котором находилась.

«Вы садитесь, садитесь. У нас тут бардак. Мы отмечаем! Ой, кстати у нас еще остался торт, сейчас принесу кусочек» – Полин резво убежала на кухню и только тогда Френсис обратила внимание на ее фигуру. Эта девушка не была полной как могло показаться на первый взгляд, они отмечали новость о ее беременности.

Спустя пол часа Френсис слушала разговорившуюся Полин. Девушка оказалось одной из немногих кто поступил вместе с Сирилом на медицину.

«Я по началу его терпеть не могла, такой весь важный был» – рассмеялась Полин толкнув рукой молчаливого мужа. «А потом началась война, он решил остаться и помогать

больным и раненым. Мне показалось это таким благородным, и я решила помочь».

История их любви была идеальной. Брак, первый сын, счастливая семейная жизнь и торт в честь второго ребенка. На против Френсис сидела не богатая девушка, живущая в скромной квартире, одевающаяся не броско, но у нее была жизнь. В том как она говорила, в ее жестах, в поспешности слов и мимике была любовь.

«Вы знаете, мне пора. Уже скоро вечер, у меня так много планов.» – Френсис встала и стараясь держаться ровно направилась к выходу.

«Вы приходите, мы всегда будем вас ждать. Правда Дорогой?» – провожая гостью сказала Полин и улыбнулась.

Сирил за этот вечер, сказавший не так много добавил только – «Да, конечно».

Френсис поселилась в старом поместье бабушки в той самой деревне, где когда-то были ее лучшие годы. Несколько дней она занималась продажей подарков, которые смогла получить в Британии. К счастью, этого должно хватить на требующийся здесь ремонт и на новое фортепьяно. «Сто-

ит вспомнить все что умеешь перед тем, как начать выступать» – размышляла Френсис. Требовалось время чтобы прейти в себя и написать письма родным, что с ней все хорошо и она будет ждать их если родители решат вернуться домой. На самом деле она не желала видеть никого в доме, особенно отца. Он был тем человеком, который сказал ей то, что она не желала о себе слышать. «Шлюха» – вот какого слова боялась Френсис. Начать новую жизнь во Франции, где никто про нее так не скажет и не подумает, она жаждала именно этого стараясь забыть того, ради которого приехала сюда на самом деле.

3 сентября в один из дождливых дней Френсис растопила камин и кинула в огонь письмо оставляя которое ей было слишком больно. «Встретимся в отеле» – казалось эти слова на бумаге сделали ей куда больнее чем все что было до этого.

От Сирила к Френсис

Френсис мне не передать моей благодарности за то, что не смотря на такой долгий путь ты приехала, и мы наконец увиделись. Увидев тебя на пороге спустя 8 лет разлуки, я будто остолбенел. Ты сильно изменилась, я, как всегда, поражен твоей красотой на повал.

Мне жаль, что так произошло. Мы не в силах изменить

совершенное и повернуть время вспять уже не получится. Я лишь могу надеяться, что ты захочешь меня увидеть. Как я ждал тебя 8 лет так я и буду ждать тебя дальше с надеждой, что ты не оставишь меня. В эту субботу вечером я буду свободен, давай встретимся в отеле «Vent». Все будет тихо, не беспокойся, моя жена ничего не узнает.

P.S. Постарайся понять.

Твой надеюсь все еще желанный Сирил